

Ольга ИВАНОВА

Повелительницы Казани

Гаухаршаг

Повелительницы Казани

Ольга Иванова

Гаухаршад

«Татарское книжное издательство»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

Иванова О. Е.

Гаухаршад / О. Е. Иванова — «Татарское книжное издательство»,
2019 — (Повелительницы Казани)

ISBN 978-5-298-03788-4

Вторая книга трилогии «Повелительницы Казани» – «Гаухаршад» повествует о довольно продолжительном периоде истории Казанского ханства. На троне страны один за другим менялись ханы. В эти годы трагически прервалась династия Улу-Мухаммада, а ханством поочерёдно овладевали то ставленники Московского княжества – касимовские царевичи, то представители крымских Гиреев. Центральной фигурой в книге выступает дочь Нурсолтан – Гаухаршад – женщина своенравная, властная, с острым умом и языком. В силу своего характера она не довольствуется почётной ролью ханской дочери, которой отводится лишь парадное место, лишённое реальной власти. Ханбика сначала тайно, а после и открыто руководит партией заговорщиков. Такой же необычной предстаёт она и в делах любовных.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-298-03788-4

© Иванова О. Е., 2019
© Татарское книжное
издательство, 2019

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	44
Глава 13	47
Глава 14	50
Часть II	53
Глава 1	53
Глава 2	56
Глава 3	60
Глава 4	63
Глава 5	66
Глава 6	70
Глава 7	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ольга Иванова

Гаухаршад

© Татарское книжное издательство, 2019

© Иванова О. Е., 2019

Часть I

Глава 1

Невольничий базар Кафы¹ с раннего утра гудел как улей. Лошади, отвыкнув в многодневных переходах от сутолоки и суеты, не слушались седоков; верблюды, почуяв воду, оглушительно ревели. Разноязыкий людской говор перекрывал горестные стоны женщин и плач детей. Надсмотрщики криками и плетью подгоняли усталых пленников. В возках, напоминавших клетки для певчих птиц, везли юных невольниц, укрытых покрывалами. Лиц красавиц до самого торжища не должен был коснуться ни любопытный взор, ни луч обжигающего солнца. Огромные колёса со скрипом тащили драгоценную ношу, а местные жители собирались по обочинам и гадали: окажется ли среди дев та, чья цена взбудоражит весь город? Долго потом в разговорах станут упоминать удачливого купца, который выгодно сбыл одалиску, и не будет сходить с уст имя счастливого обладателя прекрасной пери.

Вслед за арбами с женщинами брели невольники с галер. Их вереницы, пропахшие запахами трюмов и человеческих испражнений, тянулись от самой гавани. Невольничий рынок Кафы как магнитом притягивал живой товар, и он ручейками и целыми потоками тёк от главных ворот города и из караван-сараев, которые привольно раскинулись вблизи сердцевины работорговли. Надсмотрщики покручивали в руках тяжёлые плети, щёлкали ими, торопили, подгоняли, и их гортанная речь, подобно хлёткому бичу, взвивалась над толпой невольников, заставляла убыстрять шаг. Несчастные наступали друг другу на ноги, скованными руками подталкивали такого же обессиленного товарища по несчастью. Люди, лишённые дома, родных, свободы, шли туда, где их неволя преподносилась как товар, – дорогой и выгодный. Они проходили мимо важного базарного зазывалы, который рано поутру открывал ворота торгов, и оказывались в ином мире, отгороженном от другого, – человеческого мира со своими жёсткими правилами и жестокими нравами. У этого мира было только три лица: невольники, хозяева и покупатели. Здесь пленённые в набегах люди становились предметом торга, лёгким в добыче и выгодным при продаже.

Временные хозяева невольников, властелины сотен судеб восседали на высоких помостах под плетёными зонтами и полотняными навесами. Мальчишки, наряженные с варварской роскошью и имевшие прав меньше, чем собака господина, размеренно обмахивали работорговцев опахалами из перьев. На мальчишек, которые в этот закипавший зноем день дарили желанную прохладу, купцы обращали внимания не больше, чем на лёгкий бриз, царивший над их головами. Они сидели, развалившись в широких креслах и на оттоманках, подогнув ноги или выпустив их на свободу, и пили из фарфоровых чашек прохладный шербет или кислый, освежающий кумыс. С деланным равнодушием торговцы взирали на суматоху утреннего базара, но не забывали приветствовать соперников по ремеслу. Они рассыпались в цветистых пожеланиях благополучия и вечных удач и зорким взором окидывали товар соседа, в уме прикидывали и подсчитывали, не удачнее ли будет его торг. Весь этот цвет Кафы, разноязыкий и разноплеменный, был связан одной общей целью, имя которой – нажива. Она как соединяла, так и разъединяла их, делала порой непримиримыми врагами и безжалостными соперниками. Среди торговцев невольниками преобладали турки, хотя много было и татар, евреев, греков. Меньше встречалось прежних владельцев Кафы – генуэзских купцов, но немало их было ныне среди покупателей².

¹ Кафа – современная Феодосия.

² Кафа, бывшая с XIII века генуэзской колонией, в 1475 году была захвачена турками.

В этой шумной, бурлящей атмосфере возле каждого помоста с выставленными на продажу рабами собирались толпы праздного люда. Горожане и гости Кафы приходили поглазеть на мальчиков-кастратов с печальными глазами, которых ожидала участь стать евнухами в гаремах, и на трепетных красавиц. С девушек в пылу торгов порой безжалостно срывались не только покрывала, но и одежды, дабы доказать придирчивому покупателю, что у невольницы нет никаких изъянов. Разве пропустишь такое зрелище? Тут же толкались старухи отвратительного вида, славящиеся в Кафе своим особым умением. Покупатель мог обратиться к их услугам, чтобы убедиться в девственности невольницы. За красивую девственницу платились немалые деньги, на них торговцы делали большие барыши.

Хыяли ходил по базару, расталкивал широкими плечами попадавших на его пути прохожих. Никто и не думал толкнуть его в ответ. Достаточно было взглянуть на хмурого, коренастого мангыта с чёрным прищуром глаз, за которым неизвестно что крылось: то ли тоска, то ли желание перерезать глотку любому, чтобы торопливо отвести взгляд и поспешить дальше. Несмотря на жаркий день, на кочевнике был лисий малахай и плотный чапан³, а поверх неприглядной одежды красовался серебряный пояс дорогой чеканки и дамасская сабля в ножнах с горевшим на рукоятке рубином.

Хыяли остановился напротив одного из помостов, сдвинул малахай на затылок и почесал вспотевшую голову. Под навесом из неплотно пригнанных досок сидели женщины – молодые, старые, и совсем ещё девочки, прижимавшиеся к своим матерям. Надсмотрщик, кривоногий кипчак, лениво прохаживался по краю помоста, постукивал длинной плетью по сапогу. По его обнажённому торсу стекал пот, оставляющий тёмные разводы на ярко-зелёных шароварах.

– Эй, друг, откуда товар? – Хыяли призывно поднял руку, чтобы привлечь внимание надсмотрщика.

Тот неторопливо повёл глазами, но, разглядев воина, с готовностью подошёл к краю помоста.

– Из Малороссии⁴, с литовской границы. Если присмотрел, кого купить, то многоуважаемого купца Хусейна, да ниспошлёт ему Аллах Всемогущий процветания и благополучия, найдёшь там, под красным навесом.

Надсмотрщик указал кнутовищем в сторону, где находился его хозяин, но Хыяли уже пробирался через толпу обратно, недовольно крутя головой и расталкивая гомонящий сброд. До караван-сарая, где остановились его земляки, кочевник добрался быстро. Мангыты сидели в глубокой каменной нише под одним из навесов. Они привычно подогнули под себя ноги и неторопливо, с наслаждением подносили к губам деревянные чаши, до краёв наполненные кислым кумысом. Бурдюк с этим напитком был подвешен здесь же, на большой перекладине. Молодой мангыт при виде спешившего по двору Хыяли поднялся с места, нацедил в чашу терпкого кумыса и с почтительным поклоном поднёс воину:

– Испейте, уважаемый юзбаши⁵, день выдался жаркий.

– Печёт, – проворчал Хыяли и стащил с головы малахай. – И неудачи преследуют нас.

Сидевшие в кружке подняли головы, вопросительно взглянули на Хыяли. Всем не терпелось узнать, что имел в виду сотник, но они дождались, когда заговорит старый юзбаши. От шрама, который рассекал щёку почтенного Ахмада-баши, лицо старика перекошилось, рот кривился, но воины смотрели на него, как на самого бога войны, на предводителя. Вот и сейчас он говорил за них всех, а они были согласны с каждым словом.

³ Чапан – верхняя мужская одежда строгого покроя с глухим воротом и длинными рукавами.

⁴ Малороссия – так называлась Украина, в те времена принадлежавшая Литовскому великому княжеству.

⁵ Юзбаши – сотник, начальствующий над сотней воинов.

– Не гневи Всемогущего Аллаха, юзбаши. Мы вернулись из трудного набега без потерь, это ли неудача? Седельные сумы наших джигитов полны добычи, мы привели с собой сотню пленников, за них выручим хороший куш. О каких неудачах ты говоришь?

Хыяли жадно глотнул кумыс, смочив пересохшее горло. Бодрящая влага, подобно бальзаму, полилась по раскалённому нутру. Хыяли прикрыл глаза, он наслаждался тенистой прохладой ниши и вкусом кумыса, который каждый кочевник с детства считал божественным напитком.

– Пленников нам здесь не продать, – наконец произнёс он.

Мангыты отставили чаши, один Хыяли продолжал утолять жажду. Никто не торопил его и не заставлял объяснять причин столь неожиданной для всех новости, сама степь воспитала в кочевниках эту несуетность и умение философски наслаждаться каждым куском самой незатейливой пищи. И никто не смел прерывать это действие. Даже годы, проведённые на землях Крымского ханства, не изменили самой сущности степных жителей. Они, как и прежде, были кочевниками со своим сложным мировоззрением, с запутанной в душах религией, где наряду с суннитским исламом в памяти прочно сидел вечный Бог – Тенгри. Ему поклонялись тайно, отгородившись от чужих взглядов прокопчёнными стенами юрт, и его поминали в смертный час. А гнева Тенгри боялись не меньше адовых мук, описываемых красноречивыми муллами.

Хыяли осушил чашу до дна, обтёр бритую голову рукавом и заговорил:

– Хан Менгли и его наследник калга-солтан Мухаммад вернулись из похода. Невольничий рынок Кафы переполнен пленниками с литовского Пограничья.

– Но у нас другая добыча, – возразил старый сотник, – черкесы! Мужчины этого племени всегда пользовались спросом у мамлюкских султанов. А женщины! Черкешенки – лакомый кусочек для любого гарема.

– Всё это так, – задумчиво произнёс Хыяли, – но каирские купцы уже набрали рабов и отбыли с ними в Египет. Я слышал эту новость на базаре. А черкешенок мы продадим здесь за бесценок. Женщины из Малороссии не менее красивы, и все невольничьи помосты забиты ими.

– О Повелитель наш Небесный! – раздражённо вскрикнул Ахмад-баши, вскидывая голову. – Ты так нечасто радуешь нас богатой добычей, а теперь мы не можем её сбыть!

Привычно пробормотав слова молитвы, почтенный сотник провёл по лицу корявыми ладонями и открыл глаза. Некоторое время он с недоумением разглядывал старый потолок ниши с выщербленным кое-где камнем, не понимая, почему вместо благословенной синевы неба, к которой он обращался, перед ним предстало это убожество. Сотник недовольно крикнул и вновь взглянул на Хыяли.

– Что будем делать? Воины ждут нас с деньгами под Солхатом⁶.

– Будем искать, кому сбыть мужчин и женщин с детьми. А девушек повезём в Солхат, и если понадобится, то и дальше. Крымские эмиры не останутся равнодушными к такому товару, глядишь, и сам главный поставщик ханского гарема выберет райскую гурию для своего господина. Где расположили черкешенок?

Хыяли обратился к молодому десятнику, который уже закончил трапезу и засовывал свою деревянную чашу за пояс.

– Мы разместили их в комнатах второго этажа, уважаемый юзбаши, – отозвался тот. – Пойдёмте, я вас провожу.

Хыяли поднялся по деревянной лестнице вслед за воином. В караван-сараяе стоял такой же гул оживления, что и на невольничьем базаре. Сотник недовольно морщился, спешил преодолеть лестницу: постояльцы, заселявшие огромное строение, жующие, пьющие, смеющиеся и громко торгующиеся, раздражали его. В конце узкого, полутёмного коридора он разглядел

⁶ Солхат до начала XVI века – столица Крымского ханства.

присевших на корточки мангытов. Воины охраняли комнату, где был заперт наиболее ценный товар – пленённые черкешенки. Остальных невольников разместили в подземельях нижнего этажа за надёжными решётками и замками. Мужчина, первым заметивший военачальника, проворно подскочил и принялся открывать массивный замок. Дощатая дверь распахнулась, и Хыяли оказался в небольшой комнатке. Двенадцать девушек, сидевших на полу, подскочили и сгруппировались в дальнем углу. Они спрятались за спину самой смелой и мужественной из них.

Глава 2

Обращённый на девушку взгляд Хыяли загорелся огнём. Гордая черкешенка стояла перед ним, вскинув изящную головку. Эту красивую голову венчал сложный убор из высокой бархатной шапочки, нитей со звенящими монетками и воздушного белого шёлка. Длинное одеяние с откидными рукавами было изорвано и испачкано, но глаза юная дева вскинула с таким величием, словно была в царском платье. По словам пленных, красавица принадлежала к княжескому роду, и ногайцы увезли её прямо со свадьбы. Знатность рода прибавляла ей цену, которая и без того обещала стать высокой. Стоило только взглянуть на белоснежную кожу, сравнимую лишь с нежным лепестком лилии, на огромные чёрные глаза с лучистыми ресницами, на гордо изогнутые брови и вишнёвые губы, к которым так и хотелось прильнуть. Одежды, перетянутые серебряным поясом, подчёркивали тончайшую талию, крутой изгиб бёдер и стройную линию ног. А при взгляде на высокую грудь, обтянутую белым плотным шёлком, у Хыяли вновь пересохло в горле. С трудом ему удалось отвести глаза от княжны и оглядеть остальных девушек. Все они были подружками невесты, захваченными на той же свадьбе. И среди них сотник приметил пару красавиц с точёными чертами лица и гордыми профилями, но ни одна не могла сравниться с той, к кому невольно возвращался непослушный взгляд.

Памятуя о том, что за его спиной замерли воины, Хыяли повернул голову к ним:

– Давно ли их кормили?

– Сегодня давали только пить. – Десятник кивнул на кувшин, стоявший в углу.

– Принесите лепёшек и мяса, – коротко приказал Хыяли. – Скоро невольницам предстоит дорога до Солхата. Мы не можем морить голодом такой дорогой товар.

Мангыт склонился к самому лицу юзбаши и тихо доложил:

– Но некоторые отказываются есть.

– Кто? – строго спросил Хыяли.

Десятник молча указал на княжну. Несколько мгновений военачальник сверлил взглядом непокорную красавицу:

– Накормите всех остальных, а эту приведите ко мне.

Воин не согласился:

– А что скажет Ахмад-баши?! Он нас всех предупредил: за княжну мы выучим большие деньги, никто не смеет и пальцем прикоснуться к ней.

Некстати прозвучавшее напоминание раздосадовало и разозлило Хыяли. Он ухватил подчинённого за отвороты чапана, процедил сквозь зубы:

– Никто не собирается причинять ей вред. Я просто заставлю её поесть. Если она умрёт от голода, мы не получим за неё и акче⁷.

– Простите, господин. Я не подумал, – опустив голову, виновато пробормотал десятник.

Хыяли прошёл в свою комнату, скинул пропахший потом чапан. Он оглядел широкую, смуглую до черноты грудь, на которой виднелись следы старых и совсем ещё свежих шрамов. Последний был получен сотником месяц назад в черкесском ауле, в том самом, где были захвачены княжна и её подруги. Не потеряй он тогда, раненный, сознание, красавица стала бы его, и сейчас не нужно было бы подчиняться решению старого юзбаши Ахмада, с которым Хыяли имел равные права.

Мангыт облачился в кафтан из тонкого полотна, подпоясался кушаком. Десятник притащил упиравшуюся пленницу и взглянул на Хыяли, который уже ожидал их прихода перед низким столиком. На столике стоял медный поднос с ещё тёплыми лепёшками и кусками

⁷ Акче – серебряная монета в Крымском ханстве.

дымящейся конины, кувшином бузы⁸ и чаркой сладкой мальвазии, которая, по словам хозяина караван-сарая, могла придать силы и выносливости пленнице.

– Оставь её здесь и закрой дверь! – властно произнёс Хыяли.

Он разломил лепёшку на две части и поднёс ко рту хлеб. Десятник поклонился и торопливо покинул комнату. А Хыяли, надкусывая лепёшку, пристально разглядывал девушку. Руки княжны были связаны, но голова, как и прежде, гордо вскинута, и чёрные глаза, сверкавшие как два алмаза, пронзали мужчину. Хыяли вдруг рассмеялся, обнажив белые, крепкие зубы, он одним сильным движением поднялся на ноги и подошёл к девушке. Вторая половина лепёшки оказалась у лица пленницы.

– Ты никогда не думала, высокородная красавица, чем пахнет хлеб?

Она отвернулась от куска, который издавал соблазнительный, душистый, ни с чем не сравнимый запах. Хыяли знал: пленница не понимает его языка, но всё равно говорил, с улыбкой наступая на пятившуюся девушку:

– Тебя кормили самым лучшим, одевали в атлас и шелка. Тебя лелеяли и холили. Взгляните только, какая кожа! А волосы! – Он ухватил длинную тугую косу, потянув девушку к себе. Та изогнулась, пытаясь вырваться, но неизбежно приближалась к лицу кочевника. Хыяли прижал лепёшку к её крепко стиснутым губам:

– Ешь! Это всего лишь простой хлеб, но для тебя он означает жизнь. И ты не выйдешь отсюда, пока я не заставлю проглотить тебя хотя бы кусочек.

Черкешенка мотала головой, она пыталась избавиться от лепёшки, которую он настойчиво засовывал ей в рот. Но сопротивление пленницы только распалило Хыяли, и он одним быстрым движением развернул девушку, прижав гибкую спину к своей груди. Сильной рукой мужчина перехватил нежное горло и вынудил княжну вскинуть голову.

– Ешь! – Он запихивал куски лепёшки меж стиснутых зубов с такой силой, что девушка сдалась и разжала рот. Но покорность оказалась притворной, улучив момент, она укусила его за руку. Хыяли вскрикнул и оттолкнул невольницу от себя. Княжна упала на пол, а мужчина, не помня себя от ярости, навалился на неё:

– Дикая кошка! Я научу тебя быть покорной!

Хыяли рванул шёлковые одежды, с изуверским наслаждением он вслушивался в отчаянный вопль. Так бы она кричала там, в далёком черкесском ауле, когда он, распалённый битвой и своей победой, взял бы эту женщину, предназначенную другому мужчине. Что могло быть сладостней ощущений победителя, у ног которого весь мир и самая красивая женщина! Черкешенка сопротивлялась, но это ещё больше разжигало желание мужчины. Он обеими руками зажал её метавшееся по полу лицо, впился в вишнёвый рот, давя рождавшийся в нём хрип.

– Юзбаш! – Властный окрик остановил Хыяли. Подняв голову, он увидел сначала кожаные чувяки, а затем и самого старого сотника, возвышавшегося над ним.

– Эта добыча принадлежит всем воинам! Они ждут денег и надеются на то, что мы поделим всё, что добыли в Зихие⁹, по обычаям Великой Степи! Ты – предводитель своих воинов, ты не можешь обмануть их ожиданий!

И уже тише Ахмад-баша добавил:

– Если обесчестишь эту женщину, цена её упадёт вдвое. Мы и так много теряем, ты сам сказал, что невольничий рынок забит товаром. Вся наша надежда только на эту девчонку!

Хыяли поднялся, он не глядел на съёжившуюся в комок девушку, и на Ахмада-баша не смотрел, чтобы не заметил тот ненависть, клокотавшую в соратнике.

– Она не желает принимать пищу, – угрюмо пояснил Хыяли. – Мы не довозём её до Солхата живой.

⁸ Буза – пиво.

⁹ Зихия (зихи), так звали ранее черкесов и адыгейцев, проживавших в районах реки Кубани.

Старый воин кивнул:

– Она скоро удивит нас своим аппетитом, я кое-что придумал.

Ахмад-баши сделал знак десятнику, что-то зашептал ему на ухо. Тот засмеялся довольно, удивляясь придумке начальника, бросился исполнять приказание. А сотник похлопал по плечу хмурившегося Хыяли:

– У твоего младшего брата – унбаши¹⁰ Турьиша больше выдержки. Он умеет управлять своими желаниями. Примирись и ты с неизбежным. Эта женщина не для тебя. Представь, что она всего лишь мешок, набитый золотыми монетами.

Старик добродушно улыбнулся, довольный своим сравнением:

– А если тебе нужна красавица на ночь, хозяин караван-сарая за сносную цену пришлёт непотребную женщину.

В комнату, кланяясь, вошла пожилая прислужница-татарка. По приказу Ахмад-баши она принялась приводить в порядок одежду и растрепавшиеся косы девушки. Хыяли старался не смотреть в их сторону, и всё же невольно скользил взглядом по разорванному платью, сквозь которые просвечивало тело невольницы. Прислужница напрасно промучилась с лохмотьями и, наконец, накинула на княжну покрывало, укутала её с головы до самых пят.

– А теперь усади девушку за стол, – приказал старик. – И сама сядь рядом, будешь переводить мои слова. Хозяин говорил, что ты понимаешь язык зихов. Это так?

Прислужница кивнула головой:

– Я смогу объяснить всё, что потребуется.

Двери комнаты в очередной раз распахнулись и впустили десятника. Следом за ним двое стражей ввели связанного рослого черкеса. Девушка с криком кинулась навстречу мужчине, но прислужница проявила расторопность и силу, вцепилась в хрупкие плечи пленницы и усадила её на место.

– Скажи ей, – обратился Ахмад-баши к прислужнице, – объяви, что нам известно, кто этот джигит.

Прислужница торопливо перевела.

– Нам известно, что это её жених, – медленно продолжал сотник, давая возможность прислужнице переводить. – И если княжна желает умереть от голода, то прежде она увидит смерть близкого ей человека.

Девушка вскрикнула и что-то торопливо стала говорить своему жениху. Мужчина мрачно молчал, он всё ниже и ниже опускал голову. Казалось, он не мог вынести своего собственного бессилия и вида растерзанного лица невесты с распухшими от поцелуев Хыяли губами. Он лишь кивнул в ответ на молящие слова княжны. Мангыты напряжённо выжидали, чем закончится этот диалог, но черкесы уже молчали, лишь их взгляды, встретившись, не отрывались друг от друга. По бледному лицу красавицы потекли слёзы, она протянула руку к подносу с едой и решительным движением оттолкнула его от себя. Лепёшки и куски мяса полетели на пол.

Хыяли взревел от ярости, кинулся к упрямице, но старый сотник вновь остановил его. Повернувшись к десятнику, Ахмад-баши подал знак. Мангыты повалили сопротивлявшегося черкеса на пол, один из них ухватил босые пятки, заломил ноги к затылку, другой потянул вверх голову. Связанные за спиной руки мужчины задёргались от боли. Ещё мгновение, и в комнате раздастся хруст сломанного позвоночника. Княжна расширенными от ужаса глазами наблюдала за ходом древней, как сами кочевники, казни. В самый последний момент, когда невозмутимый юзбаши уже вскинул руку, готовясь резко опустить ладонь, выдержка изменила девушке, она с отчаянием бросилась на грязный пол, схватила первую попавшуюся под руку лепёшку и с ожесточением вцепилась в неё зубами. Пленница словно не принимала пищу, а

¹⁰ Унбаши – десятник.

вгрызалась в плоть ненавистного врага. Сотник сделал знак, и воины отпустили тяжело вздохнувшего черкеса, мгновение назад уже почувствовавшего дыхание смерти. А княжна впере-
мешку со слезами всё глотала лепёшку, и Ахмад-баши, удовлетворённый этой картиной, приказал увести пленного джигита.

Глава 3

Дорога до Солхата в это жаркое время года была утомительной и тяжёлой. Хыяли двигался на своём коренастом жеребце впереди каравана и равнодушно вглядывался в пустынную дорогу. Местность с каменистыми холмами, заросшими кряжистыми деревьями и густым кустарником, мало напоминала родные степи. Но не о них сейчас думал предводитель мангытов: в Кафе им удалось избавиться от всех пленников, кроме девушек, которых везли в крытой повозке, оберегая их нежную кожу от нещадно палящего солнца, а воины таили в своих душах недовольство. За крепких мужчин и женщин с детьми удалось выручить совсем немного, если порубили бы полон в черкесском ауле, меньше было б хлопот и трат по их содержанию на постоянных дворах. Теперь вся надежда возлагалась на черкешенок, которых тащила неповоротливая повозка, увязавшая большими колёсами в глубокой колее.

Хыяли, третьему сыну табунщика Журмэя, пошло сороковое лето. Тридцать раз вставляли травы в степи с той поры, когда он вместе с братьями покинул улус беклярибека¹¹ Тимера – отца крымской валиде¹² Нурсолтан. Тогда они, четверо братьев, отправились в поисках лучшей доли за мурзой Хусаином. Судьба забросила их в Казанское ханство, а затем привела в Крым. Братья верно служили мурзе Хусаину, были преданы крымскому хану Менгли-Гирею и немало услуг оказали для благородного господина во времена обороны Кафы. За эти годы при дворе повелителя нашли достойное дело двое из них. Старший – Айтула командовал «неуловимыми», состоявшими на службе при великом аге¹³ мурзе Хусаине. Второй брат Акшобат возглавлял личную охрану госпожи валиде. Пожалуй, только два младших сына Журмэя – Хыяли и Турыиш вели вольную жизнь степных удалцов. Несколько раз в год они собирали сотни из таких же отчаянных батыров, ищущих лёгкой добычи, и отправлялись в набег. Деньги, вырученные за пленников, тратили легко и быстро. И вновь выносливые степные лошадки уносили их на земли литовцев, черкесов и в другие края, где можно было показать воинскую удаль, набрать добра или сложить голову в жестокой сечи.

Не доезжая до бывшей столицы Крыма – Солхата, ногайцы увидели караван-сарай. Он широким пятиугольником раскинулся на перепутье, радушно приглашал под свой кров усталых путников. Придорожный гостинный двор, куда вёл каменный портал, украшенный богатой резьбой, оказался переполнен постояльцами. Не один караван нашёл приют под гостеприимной крышей, втянулся в распахнутые ворота и отряд мангытов, сопровождая скрипучие арбы с девушками.

Хыяли, спешившись, пропустил вереницу погонщиков в полосатых халатах, которые вели на водопой во внутренний двор неторопливых, важно шествующих верблюдов. Там был устроен глиняный водопровод, наполнявший выдолбленные в дереве поилки живительной влагой. Развьюченные животные освобождались от поклажи, утоляли жажду в одном ряду с лошадьми и осликами, прижимавшими длинные уши к спине. Хозяева четвероногих животных, накормив и напоив своих подопечных, могли заняться обыденным досугом. Земледельцы из ближайших поселений отдыхали в тенистых нишах, устроенных в галереях караван-сарая. Расторопные слуги предлагали им прохладные напитки и незатейливую еду. Рядом с нишами, сваленные у глинобитной стены, дожидались погрузки полосатые харпузы¹⁴, высокие корзины с овощами и кувшины с местным вином. В хурджилах и больших плетёных кошельях томились яблоки, груши, янтарные персики, из корзин свешивались тяжёлые виноградные кисти.

¹¹ Беклярибек – большой князь, титул князя над князьями.

¹² Валиде – титул старшей госпожи.

¹³ Великий ага – министр полиции в Крымском ханстве.

¹⁴ Харпуз – арбуз. От этого татарского слова произошло русское слово «арбуз».

Мангыты завернули на постоянный двор, чтобы испить свежей воды. До Солхата оставался час пути, и они спешили соединиться со своими соратниками, которые ждали своей доли в предместьях большого города. Вместе с воинами ожидал старшего брата и Турыиш. Лишь только отряд утолил жажду и напоил коней, как тут же направился к дороге.

Хыяли встретился с братом на закате дня. Турыиш только что совершил намаз и был полон благочестия, он перебирал янтарные четки, лишь изредка бросая задумчивый взгляд на брата. А Хыяли с иронией оглядывал его жилище. Этот небольшой глинобитный дом на окраине Солхата был заполнен толстыми книгами, обтянутыми сафьяновой кожей. Хыяли так и не научился читать, а пристрастие брата к книгам считал пустым занятием. То ли дело отправиться на охоту, развлечься с женщинами или провести несколько часов за хмельным пиршеством в кругу товарищей по оружию. Турыиш всегда избегал их веселых посиделок, он и в набеги уходил с одной лишь целью – заработать денег на книги.

Удивительное дело, но учёность Турыиша не мешала ему быть храбрым и искусным воином. Пожалуй, даже Хыяли не владел саблей так, как его младший брат. Клинок в руках Турыиша превращался в сверкающий огонь, карающий всех, кто отваживался броситься на него. Он был вездесущ и появлялся в самых горячих точках боя, выручая своей сноровкой и смелостью не одну горячую голову. Но всякий раз после удачного набега младший брат исчезал из Солхата и являлся с опустошённым кошельком, чтобы вновь прикинуться к своим книгам, довольствуясь чёрствой лепёшкой и родниковой водой.

Турыиш отложил в сторону четки и вскинул голову:

– Хыяли, этот поход был для меня последним. Достаточно я напал на беззащитные аулы.

Хыяли усмехнулся, он не сводил с брата прищуренных глаз:

– Чем же ты будешь жить? Станешь просить милостыню, как нищий дервиш?

– Нет. – Турыиш поднялся на ноги, приблизился к нему, и Хыяли впервые отметил, что младший брат перерос их всех. Турыиш выше ростом и шире в плечах, и лицом больше походит на мать – пленницу, привезённую отцом из далёкого набега. Черты лица не как у кочевников, скулы не выдаются, да и кожа светлее, чем у них. Ничем не напоминает Турыиш своего отца, старого кочевника Журмэя. Хыяли усмехнулся вновь: «Надо же, а ведь я никогда не замечал этого. Потому, наверно, и тянет братишку к книгам – течёт в жилах чужая кровь, принесённая в степь пленницей с берегов Итиля». Турыиш даже одевался иначе, давно уж снял с себя овчины, столь любимые кочевниками. Сильное тело его облегал казакин¹⁵ в талию, сшитый из плотной тёмно-зелёной ткани. Казакин он подпоясывал кушаком, тоже зелёным, только более светлого тона, а на голову накручивал небольшую чалму.

– Чем же ты займёшься? – переспросил Хыяли.

Он был неприятно поражён открывшейся в брате перемене, словно и не младший братишка стоял перед ним, а чужак, почти враг с иными помыслами, другой верой.

– Наша госпожа, могущественная валиде Нурсолтан призывает меня возглавить охрану её младшей дочери. Ханбика Гаухаршад собирается отправиться к берегам Итиля, в Казанское ханство.

– А я что ж, останусь здесь один? – с обидой на брата, который втихомолку устраивал свою судьбу, проворчал Хыяли. – С юзбаши Ахмадом в набеги больше не пойду. Он умаляет моё достоинство перед воинами! Если баши стар и его не интересуют женщины, то во мне ещё достаточно сил и желаний! Так всегда велось среди воинов-кочевников: лучшие женщины доставались предводителям, а сотник лишил меня добычи – пленной княжны. Из-за черкешенки я получил рану, которая могла стать смертельной, за мной право насладиться мстью!

¹⁵ Казакин – длиннополый жилет с рукавами.

Неприятное воспоминание и обида на брата – всё слилось в один гневный всплеск. Хыяли ухватился за рукоять сабли, готовый молниеносно выдернуть её из ножен, но успокаивающая рука Турыиша легла на сжатую ладонь:

– Мы можем возглавить охрану ханбики вдвоём.

– Я не привык быть в подчинении! – дёрнул плечом Хыяли.

– Так ты зол на сотника Ахмада за ту пленную княжну, что мы взяли в последнем ауле? – переспросил Турыиш.

Хыяли не ответил, сверлил младшего брата злым взглядом. Турыиш прекрасно знал, как было дело, зачем спрашивать?

– Если тебе приглянулась женщина, выкупи её у воинов, – посоветовал Турыиш. – Тебе давно пора завести семью.

Хыяли не выдержал, рассмеялся:

– Взять в жёны? Я не витаю в книжных мечтах, мой брат, и не читаю стихи, в которых грезят чужью, которую поэты зовут любовью. Не хочу, чтобы мои дети родились от женщины из враждебного нам племени. Не желаю когда-нибудь увидеть в чертах сына черкеса. Ты можешь это понять?! – Хыяли махнул рукой. – Да и стоит эта женщина слишком дорого; она – излишняя роскошь в юрте кочевника.

– О какой юрте ты говоришь? – Внимательный взгляд брата скользил по лицу Хыяли, глубокая складка замерла на высоком лбу, словно Турыиш силился, но не мог понять ни мыслей брата, ни того, что крылось за этим вспльчивым и непредсказуемым нравом.

– Давно пора расстаться с привычками кочевников, Хыяли. Посмотри на Айтулу и Акшобата. Они устроили свою жизнь, имеют большие дома под Салачиком, жён, детей. Был бы жив наш отец, порадовался бы на внуков. Давай отправимся в Казань, Хыяли, начнём там всё сызнова.

– Нет! – Хыяли выдернул руку из ладоней брата. – Вторым я могу быть и в Крыму! Найду себе службу лучше, чем предлагаешь ты.

Сотник шагнул за порог, обернулся и с презрением кивнул на груды толстых книг:

– А ты читай больше, научись рассказывать сказки, будешь хорошей нянькой у маленькой ханбики.

Глава 4

Гаухаршад сидела в беседке, густо заросшей виноградной лозой. Девушка куталась в яркое покрывало и невольно вздрагивала от каждого шороха. Вчера она отважилась написать письмо Мухаммаду, в котором просила калга-солтана о встрече в дальней беседке сада. Это место казалось заброшенным, даже руки садовников, любовно обихаживающих каждый уголок ханского сада, давно не прикасались к этим густым, состарившимся лозам.

Для неё стало навязчивой идеей увидиться наедине со старшим сыном хана Менгли, но как же отчаянно дочь Нурсолтан боялась этой встречи. Даже в разгар лета ей было холодно и тоскливо, как в ночь их единственного свидания, когда наследник повелителя оттолкнул Гаухаршад от себя.

Она до мельчайшей подробности помнила унижительную тягостную встречу, которая состоялась несколько месяцев назад. Со всем пылом юности влюбилась ханбика в красавца-солтана, и когда Мухаммад-Гирей позвал её на тайное свидание, бежала к нему, презрев девичью скромность и людское осуждение. Но какой удар ожидал наивную девочку, когда Гаухаршад поняла, что не с ней искал свидания крымский калга-солтан. Тайная страсть молодого солтана открылась перед её чутким влюблённым сердцем в одно мгновение. Гаухаршад узнала то, что скрывалось от глаз других, разглядела пылкие чувства Мухаммада к его мачехе и её матери Нурсолтан. В роскошной беседке с цветными витражами Мухаммад в ту ночь мечтал обрести двойника любимой женщины, искал незабываемые черты Нурсолтан в лице дочери. Но желанного сходства юной ханбики с её матерью не нашёл. Горькое разочарование обожгло не только его, Мухаммад не смог сдержать хлёстких слов, они и сейчас оглушительной пощёчиной звучали в ушах бедной девушки: «И ты её дочь?!. Поистине, чтобы родиться с лицом плебейки ты могла бы выбрать другое лоно!»

Его презрение сопровождало ханбику долгие месяцы. Она не осмеливалась приближаться к зеркалу, боялась собственного отражения. Только сегодня, когда Гаухаршад решила пойти на встречу с солтаном, она взглянула в зеркало, прежде прикрытое цветастой шалью. Прозрачная поверхность открыла похудевшее лицо с казавшимися теперь большими, цвета лесного ореха глазами. Ханбика поспешно накинула шаль на серебряную оправу зеркала, сжала обеими руками застучавшее сердечко: «Что скажет сегодня солтан Мухаммад, как ещё унизит и оскорбит её?» Она могла бы избежать нового позора, не прося его о встрече. Но калга-солтан манил её к себе, подобно змее, гипнотизирующей смертоносным взглядом беззащитного лягушонка. Гаухаршад готова была умереть, но прежде ещё раз увидеть Мухаммада и услышать властный голос любимого, пусть и полный презрения.

Ханбика вздрогнула, заслышав быстрые шаги на дорожке, посыпанной крупным песком. Эти звуки заставили Гаухаршад в смятении вскочить и ещё плотней закутаться в покрывало. Девушка с ужасом подумала, что по рассеянности забыла в комнате чадру, за строгой чёрной сеткой она могла бы почувствовать себя под какой-то защитой. Но, увы, было уже поздно: калга-солтан вошёл в беседку.

Она замерла и не двигалась с места. Мухаммад был в дорожной одежде, его плащ, накинутый на широкие плечи, скрепляла дорогая застёжка. Взгляд ханбики зацепился за сияющую безделушку, украшенную россыпью алмазов, все слова вылетели из головы, и она почувствовала себя самым несчастным существом на свете. Дочь казанского хана боялась взглянуть в спокойное и красивое лицо крымского наследника, не могла издать ни звука.

– Гаухаршад. – Его негромкий голос пронзил тело девушки, окутал облаком томительной дрожи. Она прикрыла глаза и опустила руки, уронив покрывало на пол беседки. Пусть он смеётся над ней, пусть обливает своим презрением, но сейчас она наберётся смелости и скажет солтану, что хочет принадлежать только ему, что её тело примет только одного мужчину – его.

– Гаухаршад. – Мухаммад шагнул к ней. – В прошлый раз я вёл себя непозволительно. Прости меня, как может простить лишь сестра.

Девушка распахнула глаза, с недоумением вглядываясь в лицо мужчины. Мухаммад не смеялся, и в его лице не было ожидаемого презрения, он казался печальным, и голос его наполнился необъяснимой тоской:

– Я слышал: болезнь коснулась тебя чёрным крылом?

Она хотела ответить, но голос снова изменил ей, и ханбика лишь кивнула головой.

– Ещё говорят, тебя ждёт путь в Казань?

Гаухаршад вновь кивнула и сглотнула пробежавшую по щеке слезинку.

– Не плачь. – Он дотронулся ладонью до её подбородка, и от его нечаянной ласки сердце девушки оборвалось, покатилося вниз с головокружительной быстротой. Не владея собой, Гаухаршад кинулась на грудь мужчины, прижалась загоревшейся щекой к его плащу. Руки её обвили шею Мухаммада, а губы уже готовы были закричать: «Я не сестра тебе, я – женщина, которая любит тебя! Ты для меня – единственный мужчина!» А Мухаммад уже и сам обнимал её, бережно прижимал к груди.

– Тише, – шептал он, – тише, маленькая девочка. Не надо плакать. Жизнь не прекращается за воротами Салачика, и ты это поймёшь, как только покинешь Крым. Как много нового и интересного ты увидишь в других землях. И я буду вспоминать иногда о своей сестрёнке.

Мухаммад с трудом расцепил судорожно сплетённые на его шее руки девушки:

– А теперь прости, мне нужно срочно вернуться в Акмесджит, меня ждут.

«О чём он?! – с отчаянием думала Гаухаршад. – Зачем он разговаривает со мной, как с ребёнком или тяжелобольной? Лучше бы Мухаммад смеялся и оттолкнул меня, а я бы ползла за ним следом, цеплялась за его ичиги, за стремя коня. Я молила бы взять меня в Акмесджит невольницей, прислужницей, кем угодно! Только бы он не разговаривал со мной так, только бы не называл своей сестрой! Как теперь после его слов можно упасть на колени и говорить бесстыдные слова, которые родились в моей голове этой ночью? Как я посмею сказать это?!»

Она с отчаянием глядела, как мужчина с улыбкой запахивается в плащ и говорит ей что-то такое же ласковое, о чём говорил и прежде. «Не уходи, – молили её глаза, – поцелуй меня! Хотя бы один поцелуй, о котором я могла бы вспоминать всю жизнь!»

Гаухаршад шагнула к солтану, протянула немеющие руки. Хриплый шёпот вырвался из пересохших губ:

– Поцелуй меня, Мухаммад... на прощанье...

Он замешкался, но потянул девушку к себе и едва коснулся её щеки. Но спустя мгновение губы мужчины переместились к ушку Гаухаршад, и шёпот прошелестел взволнованно:

– Ты пахнешь духами своей матери.

Она замерла, словно уличённая в страшном злодеянии. Ещё вчера ханбика приказала прислужнице стащить со столика валиде хрустальный флакон с любимыми духами, рецепт которых старичок-парфюмер хранил в великой тайне. Этот сухонький, сморщенный, как старый пергаментный лист, старик прибыл с госпожой Нурсолтан из Казанского ханства. Сегодня вечером, нанося на свою кожу ароматные густые капли, Гаухаршад думала о том, что если глаза Мухаммада не увидят перед собой лица любимой женщины, то пусть его обоняние почувствует неуловимое присутствие валиде. И она поняла, что не ошиблась, когда возлагала на духи матери большие надежды в оболыщении калга-солтана. Мухаммад окунулся в её волосы, вдыхая такой знакомый аромат, его руки уже не касались Гаухаршад с прежней, осторожной лаской, а стискивали девичьи плечи с неподвластной его воле силой. Он застонал, прижимая к себе загоравшееся под его руками тело. Мухаммада больше не нужно было молить о поцелуе, он приник к губам ханбики с такой неистовой страстью, что девушка едва не задохнулась. Но в следующее мгновение мужчина резко отпрянул:

– Нет!.. Всё не так... Прощай!

Солтан исчезал в сгушающихся сумерках, он торопился унести своё желание прочь от девушки, которой не принадлежала ни его любовь, ни его страсть.

Ноги не держали Гаухаршад, она опустилась на скамью и заплакала. Вот и сбылось то, что так неистово хотелось: она добилась поцелуя любимого мужчины. Но почему в тот миг ханбика почувствовала, что этот поцелуй не принадлежит ей? Она украла его у собственной матери, потому что это её целовал сейчас Мухаммад, это прекрасную валиде с такой страстью и всей силой неуголённого желания сжимали крепкие мужские руки. О, если бы она знала, как невыносима будет боль от этого осознания, то не позволила бы Мухаммаду прикоснуться к ней. Нурсолтан всё это время стояла между ними, и незримое присутствие женщины, которая дала ей, Гаухаршад, жизнь и которая сейчас отнимала надежду на счастье вместе с любимым мужчиной, делало боль ещё острее. Дочь Ибрагима рыдала, желая только одного: навсегда покинуть Крым.

Глава 5

Утром в покои ханбики пришла прислужница валиде. Мать приказывала Гаухаршад явиться к ней в кабинет. На миг ханбика ощутила страх маленькой девочки, пойманной на месте преступления. Быть может, валиде стало известно о тайной встрече с калга-солтаном? Внешне ханбика ничем не показала своего замешательства, не двинулась с места, восседая перед зеркалом, с которого навсегда сняла цветастую шаль. Гаухаршад с нарочитой медлительностью разглядывала, хорошо ли уложены косы и достаточно ли украшений надела на неё невольницы.

Подумав, она приказала сменить бирюзовые серьги на пышные, с жемчужинами редкого окраса, свисающими в ряд до самых плеч. Прислужница матери всё стояла в дверях, склонив спину и ожидая ответа ханбики. Гаухаршад украдкой скользнула взглядом по покрасневшему от натуги лицу пожилой женщины, злорадное удовлетворение бальзамом пролилось на сердце. Унижая прислужницу госпожи Нурсолтан, она мысленно унижала собственную мать, ненависть к которой не переставала расти в её душе. От страха уже не осталось и следа. Ей даже захотелось, чтобы мать узнала о свидании с крымским калга-солтаном. Тогда бы она смогла выплеснуть переполнявшее её зло на валиде, заставить мать хоть на мгновение ощутить боль, которую испытывала дочь. Наконец Гаухаршад поднялась, благосклонно кивнула головой:

– Передайте госпоже, я скоро навещу её.

Но к матери она пошла, выждав не менее часа, хотя и не знала, чем занять себя в эти томительные минуты. Старшая нянька Жиханара, растившая Гаухаршад с самого рождения, ворча, накинула поверх наряда ханбики чадру фишашкового цвета. Над шёлком чадры златошвейки ханского двора трудились не один месяц: золотые и серебряные узоры покрывали дорогую материю с головы до пят. Даже по краям чёрной сетки вился золотой узор. Гаухаршад осталась довольна своим видом. Ей хотелось подавить валиде роскошью, она помнила о странной наклонности матери одеваться скромно.

Нурсолтан придавала своим нарядам мало значения, но, пожалуй, во всём дворце нельзя было найти человека, кто замечал это. Изысканная красота этой женщины, не увядшая с годами, была её главным украшением, и даже самые дорогие и редкие драгоценности блекли при виде сияющих, сапфировых глаз. Её считали самой красивой женщиной Казанского ханства, а ныне эту бесспорную красоту признавал и Крым, где были сосредоточены самые богатые невольничьи рынки Востока, полные очаровательных девушек со всего света. Единственной дочери валиде Нурсолтан, увы, не досталось ничего от внешности матери. И Гаухаршад, всё своё детство и юность гордившаяся, что она похожа на отца – могущественного казанского хана Ибрагима, теперь желала хоть немного приблизиться к ослепительной красоте матери. Если бы Всевышний наделил её такими же глазами и точёными чертами, то ныне калга-солтан Мухаммад был бы у ног Гаухаршад, а не бежал от неё в Акмесджит.

Евнух, дежуривший у кабинета крымской госпожи, едва завидел ханбику, поспешно распахнул створки дверей. С гордо вскинутой головой она вошла к матери. Нурсолтан была не одна, в её кабинете Гаухаршад увидела мужчину. Он со всей почтительностью поприветствовал ханскую дочь и продолжал стоять, ожидая, пока его представят.

– Гаухаршад, – Нурсолтан заговорила мягко, и по голосу матери девушка угадала, что валиде ничего неизвестно о вчерашней встрече в саду, – я решила сменить твою охрану. Когда ты отправишься в Казань, тебе потребуются надёжные и сильные телохранители. Я не желаю, чтобы тебя окружали крымцы, твоя охрана должна быть из нашего рода. Это – юзбаши Турьиш, с этого дня он начальник твоих телохранителей.

Первым желанием Гаухаршад было возразить словам матери, ей хотелось взбрыкнуть, подобно молодому жеребцу, не желавшему терпеть никакой узды. Она уже открыла рот, но

слова замерли на губах, когда она взгляделась в лицо сотника. Его открытое мужественное лицо неуволимо напомнило солтана Мухаммада, и спокойный, полный собственного достоинства взгляд мужчины остановил слова, готовые сорваться с губ.

Не понимая, что с ней происходит, недовольная Гаухаршад с сердитым видом опустилась в лоно мягкого диванчика. Он стоял в стороне, окружённый бархатными занавесями, за которыми девушка могла надёжно спрятаться, но при этом наблюдать за всем, что происходило в приёмной. Валиде Нурсолтан принялась обсуждать с юзбашаи необходимое количество охраны, условия проживания и оплату, а Гаухаршад ловила себя на странном желании ещё раз взглянуть в лицо мангыта. Он казался не таким молодым, лет на семь-десять старше солтана Мухаммада, но Гаухаршад не отважилась бы назвать его стариком. Мужчина излучал уверенность и спокойную силу, и стоило только догадываться, как умеют расправляться с врагами его большие, крепкие руки. Такой же мощью веяло от всей рослой, широкоплечей фигуры воина, а глаза были иными, словно и не воин стоял перед ней, а мудрый философ, чей внимательный взгляд проникал в самую душу человека. «Туры-иш, – медленно протянула про себя Гаухаршад. – Имя, словно не говорится, а течёт». Ханбика ловила себя на желании заговорить с военачальником, она только ждала, когда валиде закончит беседу. Но мать, обсудив все вопросы, отослала начальника охраны из кабинета.

Нурсолтан под села к низкому столику и приказала служанке подать напитки и сладости.

– Я всё время думаю о твоей поездке, – осторожно начала разговор крымская госпожа. – Стоит ли тебе уезжать в Казань, дочь моя? Не пожелаешь ли ты передумать?

Гаухаршад с иронией приподняла изогнутую бровь:

– Вы желаете, чтобы я вечно сидела у вашего подола?

Нурсолтан опустила голову, как же трудно было подыскать нужные слова в беседе с дочерью. Ей, имеющей блистательные качества дипломата и государственного деятеля, нелегко было объясниться с собственной дочерью.

– Гаухаршад, девочка моя, тебе скоро исполнится шестнадцать лет. Это... это возраст, когда девушке уже пора выйти замуж. Стоит ли уезжать в Казань? Наш повелитель, хан Менгли, обещал подобрать тебе достойного мужа здесь, в Крымском ханстве.

Слабая надежда затеплилась в сердце девушки, она робко взглянула в лицо матери:

– И кого он мне подобрал, ведь вы уже знаете?

Ободрённая реакцией дочери, Нурсолтан поспешно кивнула головой:

– Это старший сын ширинского бея – мурза Тук-Мухаммад. Он...

Гаухаршад резко рассмеялась, не дослушав матери, она оттолкнула от себя чашечку с шербетом. Смехом своим ханбика пыталась скрыть разочарование, растоптанную искорку надежды. Они никогда не предложат ей в мужья калга-солтана, ведь весь этот мир считает их родственниками, и только потому, что когда-то его отец и её мать соединились в браке. Только Гаухаршад знает, что никогда не увидит в Мухаммаде брата, он вечно будет её возлюбленным. И она могла бы стать женой крымского солтана, только Нурсолтан этого не позволит. Валиде не захочет лишиться молодого и красивого поклонника!

– Хорошую же судьбу вы мне уготовили, сидеть в гареме Тук-Мухаммада, дожидаясь, пока старый бей отправится в сады Аллаха, а мой супруг станет главой рода! – язвительно произнесла Гаухаршад.

– О чём ты говоришь?! – в ужасе от слов дочери вскричала валиде.

– Говорю то, что думаю! Я не желаю оставаться в Крыму из-за сомнительной перспективы когда-нибудь стать женой крымского беклярибека! – Она покраснела и, подскочив с дивана, заговорила зло и резко, крепко сжимая кулаки. – Желаю уехать в Казань и уеду туда!

Казалось, ещё мгновение, и Гаухаршад примется крушить всё вокруг. Последняя надежда Нурсолтан оставить дочь около себя и хоть как-то примириться с ней рушилась на

глазах. В страхе, что с дочерью может опять случиться нервный припадок, которому ханбика была подвержена последние месяцы, Нурсолтан попыталась успокоить девушку:

– Я не настаиваю, Гаухаршад, если желаешь уехать в Казань, ты отправишься туда. Присядь же, допей шербет, тебе сейчас принесут другую чашечку.

– Я выпью шербет в своих покоях, вы испортили мне аппетит, госпожа валиде! – Гаухаршад прошла к дверям, и когда рука её коснулась резных створок, оборотилась к поникшей матери, победно вскинув голову.

«Я ни в чём больше не уступлю ей, – с чувством полного удовлетворения подумала ханбика. – Я уеду в Казань и начну там новую жизнь. И в этой жизни не будет места ни моей матери, ни солтану Мухаммаду. Я больше не позволю себе влюбиться в мужчину, не позволю смеяться над своими чувствами. Отныне будут любить только меня, а я решу, кто этого достоин!»

Как только Турыиш покинул пределы дворца, он направил коня к городским воротам. Новый начальник охраны ханбики, которому валиде даровала титул «юзбаши», отправился не в предместья, где среди поселений разноязыких, шумных жителей Салачика находился дом брата, а на дорогу, ведущую в Солхат. К концу дня каракорый конь вёз всадника в лесную чащу. Здесь у подножья гор хоронился армянский монастырь Сурб-Хач, скрытый от чужих глаз густой листвой деревьев. Местные прихожане, среди которых было немало армян, находили в стенах монастыря духовную пищу, – создаваемые руками монахов замечательные рукописи с миниатюрами. В монастыре они могли поклоняться своему Богу, сохранять чистоту речи и религии, следовать обрядам далёкой родины. В этот солнечный день ворота Сурб-Хача были распахнуты, и десяток монахов с мотыгами на плечах держали путь к монастырским виноградникам. Каждый из них поздоровался с сотником, и по их свободному обращению было видно, что Турыиша здесь хорошо знают. Перед воротами мужчина сошёл с коня и, взяв его под уздцы, провёл внутрь. Монастырский двор был вымощен камнем, отполированным за много лет ногами монахов и прихожан. Проворный служка в чёрной рясе принял у воина коня и повёл его в конюшню. Турыиш нашарил железное кольцо, укреплённое в низкой двери, дернул его на себя и вошёл в каменную залу с высоким сводчатым потолком. Настоятель монастыря уже встречал его.

– Вы давно не навещали нас, – высокий голос настоятеля звонко зазвучал под сводами залы, смягчая его нечистый говор.

В отличие от армян, проживавших в Солхате и считавших татарскую речь привычным делом, настоятель монастыря Сурб-Хач плохо владел языком хозяев этих мест. Замкнутая монастырская жизнь не давала такой возможности, но объясниться с любым жителем Крыма в монастыре могли все, начиная от пастыря и кончая служкой.

– Нам неизвестны пути, уготованные Всевышним, – отвечал мангыт. – Может так статься, что я посещаю вас в последний раз.

Густая седая бровь настоятеля поползла вверх:

– А как же Геворг?

– Сегодня я заберу сына. – Турыиш отстегнул от пояса кошель с монетами. – Возьмите для вашего монастыря с благодарностью за то, что столько лет растили Геворга и хранили мою тайну.

Настоятель, приняв подношение, в задумчивости взглянул на кочевника.

– В жилах этого юноши течёт кровь нашего народа, – произнёс монах, – но он ваш сын, и я не смею возражать. Как решит Геворг, пусть так и будет.

А высокий черноглазый юноша уже бежал из распахнутых дверей навстречу Турыишу:

– Отец! Как я долго вас ждал! Вы приехали за мной?

Глава 6

В это солнечное утро базары Солхата были особенно многолюдны. Однако седобородые старики, которые восседали на выцветших циновках у каменных заборов своих жилищ, со вздохом сетовали:

– Какие были раньше времена! Нынешний базар сравним со скудным ручейком.

– Да, уважаемый Сабитулла-ага, – кивал головой, увенчанной белой чалмой, сухощавый собеседник. – Таких богатейших купцов и караванов в двести, а то и триста верблюдов разве увидишь ныне в Солхате? Э-хе-хе, прошли те времена, оскудел базар!

Старики качали головами, поглядывали подслеповатыми глазами на спешащих по улицам горожан; мелких торговцев с корзинами на плечах; земледельцев, погоняющих своих ослов; босоногих водоносов с полными бурдюками:

– Вода! Кому воды?!

Юзбаши Турыиш вышел на самый большой базар бывшей крымской столицы со своим единственным сыном, который родился и вырос при армянском монастыре. Геворг пробирался по улицам вслед за ним, юноша казался ошеломлённым и раздавленным непривычной для него сутолокой. Никогда ещё ему не приходилось бывать в таком большом поселении, и он не видел столь величественных зданий и такого огромного количества людей. Только понаслышке юноша знал, что неподалёку от монастыря находится крупный город, теперь он видел его воочию, и увиденное восхищало и подавляло Геворга.

Базар раскинулся на площади перед мечетью, построенной ещё во времена хана Узбека. Здание мечети представляло собой базилику, обращённую к югу, с тремя парами столбов, соединённых арками. К зданию примыкало медресе. Геворг замедлил шаг перед украшенным богатой резьбой порталом мусульманской школы. Каменный орнамент, словно нескончаемая песня, вился вверх переплетающимися спиралями с прихотливо изогнутыми завитками. Растительные побеги сплетались меж собой, окружённые пышной листвой пальметки¹⁶. Узоры напомнили Геворгу украшения армянского монастыря, юноша провёл рукой по резьбе и улыбнулся своим воспоминаниям.

Его дед был каменотёсом и полжизни провёл при монастыре Сурб-Хач. Перед глазами Геворга как будто встал молчаливый старик, вдохновенно работавший над камнем. Под точно рассчитанным, слаженным ударом его молотка резец скользил по камню, выписывая завиток за завитком. Мальчик, как зачарованный, часами мог наблюдать за работой деда, на его спокойное лицо, изборождённое глубокими морщинами. Голову старик повязывал маленьким чёрным платком, чтобы усмирить вьющиеся седые волосы. Умер дед рано, он только начал обучать внука своему искусству, вкладывая в его маленькие ладони молоток и резец. Но не суждено было увидеть старому мастеру работу внука.

Мальчик долго чувствовал себя сиротой, покинутым всеми на этом свете, пока однажды настоятель не подвёл его к незнакомому мужчине. Семилетний Геворг, задрал голову, смотрел на высокого, крепкого воина, с восхищением разглядывал его вооружение. Он осторожно прикоснулся к вырезанной из кости рукояти сабли и тут же испуганно отдернул палец. А мужчина засмеялся и поднял его на руки. Геворг запомнил это ощущение счастья, когда его впервые приласкал большой и сильный мужчина. Не монах, чьё слово более напоминало молитву и проповедь, а мирянин, который, не сдерживая своих чувств, прижимал мальчика к себе и гладил его взъерошенную голову. Геворг ухватился за шею незнакомца, вжимался в его широкую грудь, вдыхал незнакомые запахи, не водившиеся в монастырских стенах. Он улыбался,

¹⁶ Пальметка – распространённый в каменной резьбе орнаментальный мотив, изображавший стилизованный веерообразный лист пальмы.

мечтая, что этот человек заберёт его в свой большой мир, где ему не будет так одиноко. Тогда же Геворг узнал, что воин был его отцом.

С того дня Турьиш часто посещал монастырь, оставлял настоятелю немалые деньги на содержание мальчика. Непокойный быт воина не позволял забрать сына из обители, и только сейчас, когда Геворгу пошёл семнадцатый год, мангыт решил круто изменить свою жизнь.

Юноша всё ещё стоял перед порталом медресе, когда говорливая компания молодых шакирдов в светлых чапанах и искусно накрученных на головы чалмах прошла внутрь большого двора. Каждый из шакирдов нёс под мышкой по две-три книги, поправляя их на ходу. Их весёлый смех и радостные возгласы при встрече с соратниками по учёбе огласили двор медресе. Геворг и сам не заметил, как шагнул за ними следом, разглядывая обширную квадратную постройку, внутри которой и находился вымощенный камнем двор. Сгорбленный старик, шаркая стоптанными на задниках туфлями, проследовал мимо шумных учеников, он вскинул сухошавую руку к свисающей верёвке и позвонил в колокол. Звук полетел по двору, отскакивая от стен медресе, заметался эхом, и шакирды заспешили, рассыпались на маленькие группки и растворились за створками лёгких дверей в сводчатых нишах здания. Геворг остался во дворе один, исчез и шаркающий ногами старик, только утреннее солнце продолжало лениво освещать гладкие камни двора. Кто-то коснулся руки задумавшегося юноши, Геворг обернулся и увидел отца.

– Что они здесь делают? – с удивлением спросил сын.

– Это медресе, Геворг. Здесь обучают Корану и многим наукам, которые издавна известны человеку. Шакирды познают в этих стенах астрономию и математику, философию и логику.

Юноша смотрел на отца таким непонимающим, полным недоумения взглядом, что Турьиш не выдержал и рассмеялся:

– Ведь чему-то тебя учили в монастыре?

– Да, – со всей серьёзностью отвечал Геворг, – меня учили читать Библию.

Юзбаши нахмурился, поглядывая на сына. Казалось, он впервые задумался о том, что Геворг крещён и проповедует иную веру. При дворе повелителя подобные вещи были недопустимы, прежде чем представлять сына крымской валиде, он должен был не только научить его обращаться с оружием, но и сделать мусульманином.

– Мы поговорим об этом, когда вернёмся домой. А теперь поспешим на базар, – произнёс Турьиш. И уже шутливо добавил: – Но если ты будешь останавливаться у каждого здания Солхата, мы не доберёмся до торжища и не купим тебе обновок!

При мысли о том, что его ожидает столь приятная прогулка, лицо Геворга осветилось радостной улыбкой:

– Пойдёмте, отец, мне не терпится увидеть знаменитый солхатский базар.

Торжище начиналось сразу за стенами медресе. Отсюда уже разбегались первые ряды с выстроенными по обеим сторонам каменными нишами и небольшими складами, расположенными позади торговых лавок. Дорогие ряды заполнял привозной товар, и покупатель здесь ходил особый, не только приценивался, но и, не скупясь, делал покупки. Местные и иноземные купцы с важным видом устраивались в нишах на коврах. Менее состоятельные торговцы расстилали свои дешёвые циновки, они старательно выбивали из них базарную пыль, прежде чем с молитвою приступить к работе. Расторопные приказчики торопливо выкладывали товар, боясь пропустить ранних покупателей.

Чего только не было на здешних прилавках! Со специальных перекладин, открываясь взору зевак, свешивались дорогие ткани. Здесь была материя из Сицилии и узорные шелка из Луки; венецианский бархат, расцвеченный тюльпанами, гвоздиками и гиацинтами; золотая и серебряная парча из Ирана. Смуглый до черноты торговец похвалялся индийскими муслинами – тканями, будто сотканными из ветра и облаков. Женщина, наряженная в воздушный,

сказочный муслин, поражала воображение мужчины, превращалась в райскую гурию или пери, готовую улететь прочь. В другой нише турецкий купец выставял несравненной красоты парчу, сотканную османскими мастерами-умельцами.

– Подходите! – кричал он. – Подходите и берите! Из такой парчи шьют одежды самого султана Баязета!

И народ подходил, любовался волшебными переливами дорогой материи, с восхищением цокал языком. В другом конце ряда зеваки окружили испанца, который привёз тюки из Толедо. Шёлковая ткань самых ярких цветов – красного, зелёного и золотого красовалась россыпью звёзд, узоров из цветов и медальонов.

Не скоро Турыишу с сыном удалось добраться до рядов, где купцы из Фландрии и Московии торговали добротным сукном, хлопковыми тканями. Чуть поодаль местные портные предлагали готовые камзолы, чапаны, казакины. Вскоре на Геворге уже красовались новый кафтан из лёгкого сукна и кожаные ичиги с загнутыми кверху носами. Большие чёрные глаза юноши сияли от удовольствия, он всё норовил оглядеть себя со всех сторон, крутил головой и оглаживал плотную материю. В Оружейном ряду отец приобрёл для него пояс и кинжал работы местных мастеров. Пообещал дома вручить ему саблю, добытую в последнем бою. Геворг уже видел себя на тонконогом караковом коне в полном боевом вооружении, и счастливая улыбка не сходила с лица юноши.

Глава 7

Назад возвращались другой дорогой. На следующей площади встретилось им торжище иного рода – невольничий рынок. Любопытный юноша просительным взглядом заглянул в глаза отца:

– Я хочу посмотреть, позвольте мне, отец.

Юзбаши пообещал сыну пройтись по рынку, но прежде повёл его в кабак, расположенный поблизости. Запахи жареного мяса и печёных лепёшек дразнили обоняние, да и время близилось к обеду, о чём напомнило урчание животов. Крытый дощатым навесом двор был полон народа, и Турыиш нашёл место для себя и Геворга лишь при помощи расторопного служки.

Им подали глубокие глиняные пиалы, расписанные ангобом¹⁷ и украшенные ярким врезным узором. Посуда эта была местного производства и охотно использовалась простолюдинами. В пиале благоухал наваристый бульон с мелко покрошенными кусками мяса и хорошо разваренной крупой. Похлёбка была сдобрена душистыми приправами и пахучими травами, от запаха которых перехватывало дух. К еде прилагалась лепёшка, которую сотник тут же наломал на куски и, окуная ещё тёплый хлеб в пиалу, принялся за трапезу. Геворг не отставал от него, норовил поскорей выловить сытные кусочки мяса. Служка принёс медный тазик и кувшин с водой. Когда оба омыли руки, Турыиш попросил кумыса, хорошо освежавшего в этот солнечный день. К полудню погода разыгралась, установилась жара, нередкая в это время года. За неспешным разговором юзбаши с сыном осушили по две чаши бодрящего кумыса и, расплатившись, направились в торговые ряды.

Невольничий рынок Солхата в последние годы утерял свою первоначальную значимость, некогда богатейшая торговля Солхата была перебита более удачливой соперницей – Кафой. Невольничий рынок города ныне удовлетворял лишь потребности Крымского ханства, уступив своё прежнее мировое господство. Но торговля невольниками здесь во всём напоминала рынок Кафы: те же сколоченные из дерева помосты, купцы-работорговцы, скрывавшиеся от солнца под полотняными и шёлковыми балдахинами, и пленники, то плачущие и кричащие, то уныло уставившиеся на праздные толпы горожан.

Турыиш и сам не ожидал, что натолкнётся здесь на брата. Хыяли, жестикулируя рукой, с зажатой в ней нагайкой, отчаянно торговался с пузатым, заплывшим жиром бухарцем в полосатом халате. Между ними стояла черкешенка, испуганно вскидывавшая свои большие, бархатистые глаза то на одного, то на другого мужчину. Наконец Хыяли и бухарец ударили по рукам. К мангыту перекочевал вместительный кошель, набитый монетами, а бухарец ухватил девушку за руку и потащил её за собой. Сотник, вполне довольный сделкой, подвесил кошель к поясу.

– Хыяли! – Турыиш окликнул брата и принялся пробираться к нему сквозь толпу.

Мангыт обрадовался, словно и не было между ними недавней ссоры. Он обнял младшего брата, похлопал по плечу:

– Удачная торговля, Турыиш! Мы распродали весь товар. Сегодня раздадим воинам их долю добычи и после попрощаемся с тобой.

– Значит, не едешь со мной? – помрачнев, переспросил Турыиш.

– Я же говорил тебе, брат, не люблю быть вторым. К тому же у меня важное дело. – Хыяли, явно гордясь собой, ухватил Турыиша за локоть и указал под навес: – Видишь ту красавицу?

Под навесом в накинутах на голову покрывале сидела черкесская княжна. Турыиш улыбнулся недоверчиво:

– Неужели последовал моему совету и решил жениться?

¹⁷ Ангоб – раствор белой глины.

– О чём ты говоришь? – обиделся Хыяли. – Я никогда не беру обратно своих слов. Пленницу купили, и за очень большие деньги, но с условием, что я сам привезу её в Гёзлев¹⁸.

– И кто же её купил? – переспросил Турыиш, расстроенный, что его предположение не подтвердилось. Глядишь, женился бы Хыяли, остепенился, и не было бы за него так тревожно.

– Купил сам поставщик гарема владетеля Гёзлева и прилегающих к нему земель – эмира Дин-Шаиха из рода Мансуров.

Турыиш обернулся, ища глазами сына, чтобы представить его своему ветреному, неугомонному брату, и нашёл Геворга у помоста с прекрасной черкешенкой. Юноша не мог оторвать глаз от неподвижной, как статуя, красавицы, он, казалось, никого более не замечал и не слышал. Отцу пришлось не один раз окликнуть его, прежде чем Геворг со вздохом оглянулся.

– Кто этот юноша? – Хыяли насторожился, словно охранный пёс, сжал рукоять сабли. – Кем бы он ни был, ему не следует так смотреть на собственность мансурского эмира.

– Это мой сын – Геворг, – ответил Турыиш.

Не так, совсем не так хотел он представить брату своего сына, тайную гордость, лелеемую и хранимую от чужих глаз столько лет. Должно быть, напрасно он привёл сына на невольничий рынок, где было столько юных и соблазнительных дев с бесстыдно раскрытыми лицами и телами. Похоже, взращённого в монастыре в среде монахов мальчика поразила в самое сердце первая же красивая женщина, к тому же чужая одалиска. Все эти мысли мгновенной чередой пронесли в чувствительной душе Турыиша, и он, проклиная себя за то, что пошёл на поводу у сына, протиснулся сквозь толпу, набежавшую поглазеть на черкесскую княжну. Следом за ним, неотступно дыша в затылок, шёл мрачный Хыяли, чьим заботам была поручена красавица.

– Геворг! – Турыиш потянул сына за рукав, строго взглянул в его затуманенные глаза. – Пойдём со мной.

Он повёл сына за руку как маленького, и тот покорно пошёл за ним, но всё время оглядывался, словно частичка его души осталась у деревянного столба старого помоста. Когда они вышли за пределы невольничьего рынка, Геворг взволнованно спросил:

– Отец, кто эта девушка?

– Она собственность мансурского бея, достопочтимого эмира Дин-Шаиха! С этого часа женщина принадлежит господину Гёзлева, и только он имеет права лицезреть её лик и говорить о ней. Для других княжна запретна!

Резкий, неприязненный голос, произнёсший эти слова, заставил юношу вздрогнуть и обернуться.

Он с удивлением разглядывал степняка, одетого в овчины и перепоясанного кожаным поясом с дорогой саблей в серебре.

– Познакомься, Геворг, – твёрдым и строгим голосом произнёс юзбаши Турыиш, – это твой дядя, мой старший брат Хыяли-ага.

Геворг помотал головой, словно пытался избавиться от назойливого вопроса, так и рвавшегося с губ. Придя в себя, он застенчиво улыбнулся:

– Я и не знал, отец, что у вас есть брат.

– Нас четверо, – вмешался в разговор Хыяли. – И если ты перестанешь глазеть на чужих женщин, я представлю тебя нашим старшим братьям, которые занимают в Салачике высокие посты. Пожалуй, только мы с твоим отцом не нашли себе хорошего применения!

И Хыяли рассмеялся, открывая крепкие зубы. Геворг тоже засмеялся сначала робко, а потом уже звонко, от всей души. Тревога на время покинула душу Турыиша, и он тоже улыбнулся вслед за сыном. Может, он ошибся, и его сына не поразила нежданная любовь, красивая женщина лишь привлекла его взор, восхитила, но не обожгла своим пламенем.

¹⁸ Гёзлев – Евпатория.

– Думаю, нам следует отметить столь неожиданное знакомство! – весело крикнул Хыяли. – Я и подумать не мог, что у тебя, Турыиш, есть сын. Клянусь Аллахом, вы обскакали меня все, но я ещё покажу, на что способен ваш неугомонный Хыяли!

Юзбаши вернулся, чтобы отдать распоряжение своим воинам относительно княжны, и вскоре присоединился к брату с племянником.

– Завтра утром отправляюсь в Гёзлев, а этим вечером я свободен. – Хыяли обнял юношу за плечи. – У меня есть время ближе познакомиться с тобой, Геворг.

А на рассвете Турыиш провожал своего сына в Гёзлев. Он и сам не знал, как это получилось, и почему он отпускал Геворга со старшим братом сопровождать черкесскую княжну к её новому господину. Геворг был настойчив и проявил неожиданную твёрдость характера. Хыяли же на просьбу племянника взять его с собой в Гёзлев ответил согласием.

– Ты должен вернуться через месяц, – наказывал сыну юзбаши Турыиш. – Мы вскоре отправимся в Казань вместе с ханбикой Гаухаршад. Я надеюсь, ты не подведёшь меня, Геворг?

– Мы вернёмся ещё раньше, – вмешался в разговор Хыяли. – Поставщик эмира дал только задаток. Как только получу обещанную плату с бея Дин-Шаиха, сразу вернусь в Солхат.

Он осадил коня, склонился к брату:

– Напрасно беспокоишься за своего сына, он под моим присмотром.

– Хыяли, мальчик рос в монастыре, он и к коню не привык. Побереги его, очень прошу тебя!

– Не беспокойся, брат. – Сотник выпрямился в седле, бросил последний взгляд на Турыиша. – Я позабочусь о Геворге, как о собственном сыне. – И махнул призывно нагайкой: – Вперёд, мои воины, дорога ждёт нас.

– Пусть же ваш путь будет лёгким, – пробормотал Турыиш, сердце которого по-прежнему снедала тревога.

Юзбаши Турыиш надеялся, что уже через месяц он будет сопровождать ханбику в Казань. Но минуло лето, прошло ещё полгода, а Гаухаршад так и не смогла отправиться в дорогу. Причина задержки крылась в событиях, развернувшихся в Казанском ханстве. Старший сын валиде Нурсолтан – хан Мухаммад-Эмин сообщал о заговоре, замышлявшемся против него, о попытках сибирского солтана Мамука захватить столицу с отрядами воинов династии Шейбанидов¹⁹. В столь тревожное для Мухаммад-Эмина время валиде не отважилась отправить дочь в беспокойную Казань. И отъезд отложили до весны.

¹⁹ Шейбаниды – династия, идущая от сына Чингисхана Шейбани.

Глава 8

С высокого минарета муэдзин призывал правоверных к утренней молитве. Чистый, звонкий голос возносился к небесам, растворяясь в прозрачной, холодной голубизне. «Такой чистоты и светлой, почти белёсой голубизны небо бывает только поздней осенью», – думал стареющий эмир Кель-Ахмед. В небе парил беркут, он проследил взглядом за его полётом. Красивая, гордая птица, никому она не поклоняется и живёт так, как желает сама. Он сам прожил свою жизнь, подобно беркуту. Только сильная, бесстрашная птица шла в сравнение с могущественным ширинским беком, самым первым вельможей в казанском диване, смелым и мудрым улу-карачи, не один десяток лет державшим в руках нити правления великим государством. Порой он чувствовал дыхание смерти, и болезни цепляли его своими беспощадными руками. Но жизнь ещё не надоела ему. И пока дворцовые интриги развлекали и веселили почтенного вельможу, эмир Кель-Ахмед не сдавался тяжким недугам. На днях пришла к своему логическому завершению одна из его блестящих и хитроумных интриг. Казанскому улу-карачи при поддержке большинства беков удалось свергнуть молодого хана Мухаммад-Эмина. Это с помощью Кель-Ахмеда в Казани воцарился новый правитель, и династия Шейбанидов захватила ещё один тюркский трон²⁰. А голос муэдзина всё звучал и звучал, напевно повторяя слова азана²¹. Старый эмир вздохнул и направился из сада в полутёмную залу, где расторопный слуга уже расстилал молитвенный коврик – садждад.

И в ханском дворце, богатство которого поражало нового повелителя, шейбанид Мамук возносил благодарение Всевышнему за бесценный дар – власть над Казанским ханством. Он, Мамук, младший брат могущественного хана Ибака²², стал властелином богатейшего ханства, земли которого расстились на необозримые дали, а города и аулы переполнялись людьми и славились крепкими хозяйствами.

Хан велел расстелить молельный коврик не в своих покоях, где можно было отрешиться от земной суеты, как того требовали заповеди Пророка, а в самом роскошном помещении дворца – Тронном зале. Он начинал молитву и обрывал её, невольно любуясь цветной мозаикой высоких стен или завораживающей игрой воды, льющейся в мраморный фонтан. Оттуда взгляд Мамука перебежал к золотому трону под балдахином из зелёной парчи. Трон был великолепен в своей сказочной красоте: ажурные золотые пластинки покрывали его спинку и массивные ножки, а по краям блистали розетки из драгоценных камней. И даже парчовый балдахин, словно устыдившись своей недостаточной роскоши рядом со сверкающим великолепием, взял да расцвёл узорами из речного жемчуга. Этот трон теперь принадлежал ему – Мамуку, который прожил всю жизнь в юрте кочевника.

Новый повелитель поторопился закончить молитву, поднялся с коврика и устремился к трону. Он устроился на широком сидении, подложил шёлковую подушку под подогнутые ноги, горделиво вскинул голову. Но свидетелем его ханского величия стал только старый слуга, аккуратно сворачивающий молельный коврик, а ещё мальчик с опахалом, дремавший в углу.

Для хана Мамука, который поначалу упивался своей властью, вскоре правление большим государством открылось далеко непривлекательными гранями. Не прошло и двух месяцев, как к повелителю явились недовольные тысячники. Воины сибирского хана, которые пришли с ним из-под Кашлыка, заскучали. Город был сдан без сопротивления, и джигиты остались без добычи. Они съели всех овец и выпили бузу и кумыс, посланные своим господином, чтобы

²⁰ Это событие произошло в ноябре 1495 года.

²¹ Азан – призыв к совершению молитвы.

²² Историки не сходятся во мнении в этом вопросе. По одним сведениям, Мамук приходился хану Ибаку племянником, по другим – братом, по третьим – сыном.

достойно отпраздновать воцарение на казанском троне. Безделье и пустые сумы подтолкнули отряды самых лихих воинов отправиться в окрестные аулы за лёгкой добычей и острыми ощущениями. Но местные жители дали отпор сибирским татарам: они взялись за оружие и перебили башибузуков. Главных зачинщиков грабежа, связанных по рукам и ногам, отправили к мансурскому эмиру, правителю тех мест. А эмир, недолго думая, повелел лишить головы виновников, и ныне тысячники потеряли лучших воинов, погибших столь бесславной смертью.

Хан Мамук разгневался и срочно собрал диван. Могущественные карачи, придворные, занимавшие важные посты в государстве, казанский сеид – все собрались в Тронном Зале.

Мамук грозно оглядел знатных казанцев и велел впустить на заседание своих тысячников. Сибирские огланы резко отличались от местных вельмож и одеждой, и манерами. Они бесцеремонно, с видом хозяев принялись рассаживаться на низких тахтах в одном ряду с казанцами. Но мест на всех не хватило, и кочевники с недовольным видом столпились у входа, на их смуглых лицах с редкой порослью бородок сквозили высокомерие и заносчивость. Бесцеремонное поведение вновь прибывших разозлило улу-карачи. Никогда Кель-Ахмед не выходил из себя, но ни один из ханов не позволял своим слугам вести себя столь развязно, как эти грязные кочевники, пропахшие дымом и лошадиным потом.

– Что это означает, повелитель? – нарочито медленно спросил улу-карачи. Он поднялся со своего места, едва сдерживая ярость: – Вы собрались объявлять войну или отправиться в набег? Чем объяснить присутствие здесь, на высшем совете ханства, ваших военачальников?

– Мне придётся объявить войну вам, алпауты, осмелившимся наказать и предать казни моих лучших людей! – Мамук не усидел на месте, хоть и не желал ронять достоинства в глазах казанцев. Он подскочил к старому эмиру, сверля Кель-Ахмеда буравчиками маленьких чёрных глаз:

– Не с вашей ли подачи, улу-карачи, мои воины остались без пропитания и добычи? Они оголодали и отправились добывать пищу у моих подданных. А эти несчастные посмели восстать против воинов своего повелителя и даже убить их! Что же тогда означает моя власть в этом ханстве, эмир, если ни я, ни мои люди не могут взять того, чем я владею?

– Здесь царят иные законы, повелитель, казанцы никогда не потерпят хана-насильника и грабителя! Если вы не измените своих взглядов и не приструните воинов, вся страна восстанет против вас! – вскричал Кель-Ахмед.

Хан Мамук расхохотался, он притоптывал ногой, обутой в ичиги тонкой выделки. Следом загоготали и тысячники, выступили вперёд, уже нацеливаясь злыми, несмеющимися глазами на ширинского эмира. Прочие присутствующие на диване вельможи замерли от страха в предчувствии беды, которая нависла над их головами.

– Схватить! – коротко приказал Мамук, резко оборвав свой смех. Он указал пальцем на Кель-Ахмеда и мансурского бека Агиша.

Тысячники кинулись на высокопоставленных князей. Казанская стража, стоявшая у дверей, услышав шум, бросилась на выручку улу-карачи. Завязалась короткая перепалка, в пылу которой казанцы оказались в меньшинстве и, сражённые сибирцами, упали на мраморный пол. Голубые узорчатые плиты Тронного зала залила кровь. Кель-Ахмед в отчаянной борьбе потерял свой тюрбан и увидел его в руках тысячника Сагайдака. Сибирский оглан протёр дорогим шёлком свой окровавленный кинжал, а попутно вынул из головного убора крупный рубин, который передавался в роду казанских Ширинов из поколения в поколение.

– Воры! – вскричал эмир, удерживаемый воинами хана. – Воры и грабители! Помните, Мамук, кто возвёл вас на ханство, кому вы обязаны своим возвышением!

Повелитель кивнул головой:

– Никто не может обвинить меня в чёрной неблагодарности. Я не убью вас, уважаемый улу-карачи, и вас, эмир Агиш, не прикажу казнить, хотя вы подвергли смерти моих лучших

воинов. Но стены зиндана не могут уподобиться пустеющему саду. Мой зиндан всегда соберёт достойный урожай, и вы, дорогие эмиры, будете в нём самыми изысканными плодами.

Мамук окинул взглядом остальных вельмож и добавил с нескрываемой угрозой:

– Зиндан научит вас, как следует поклоняться своему господину. Зиндан – лучший учитель для непокорных строптивцев!

Наутро большой отряд воинов под предводительством тысячников хана Мамука отправился во владения эмира Агиша Мансурского. Повелитель позволил своим соратникам вдоволь натешиться местью в селении, посмевавшем сопротивляться сибирцам.

Аул Кыз-Кермен в этот зимний день жил своей обычной жизнью. Ватага мальчишек в бешметах и овчинных тулупчиках выбежала на окраину селения. Дети смеялись, перекидывались снежками:

– Смотрите на Сабитджана! Сабитджан – трусишка! Сабитджан сейчас заплачет и побежит жаловаться!

Неповоротливый толстощёкий Сабитджан, сын аульного старейшины, отбивался от нападок мальчишек как мог. Но очередной снежный ком попал ему прямо в лицо, больно оцарапал щеку. Сабитджан закрыл лицо руками и уже готов был зареветь. Да и мальчишки притихли, испугались, что им попадёт за обиженного сына самого уважаемого в ауле человека. Сабитджан постонал для вида, а после сдвинул мокрую ладонь, открыл один глаз. «Сгрудились, наверно, вокруг меня и не знают, как вымолить прощение», – думал сын старейшины. Но мальчишки стояли к нему спиной и показывали друг другу на далёкую кромку леса, откуда, поднимая облако снежной пыли, появлялись чёрные всадники.

– Ой-ей! – вскричал Сабитджан. – Скорей в аул, надо сообщить всем!

Мальчишки, словно очнувшись, прыснули в разные стороны, как воробышки. Каждый бежал к своему дому, от страха горло перехватывало, и вместо крика кто-то тонко визжал, а кто скулил еле слышно. Сибирцы уже влетели в аул, растеклись тёмной лавиной по селению, начали вытаскивать из домов мужчин. Сабли взлетали ввысь и опускались на головы несчастных жителей с ужасающим свистом. Аул наполнился криками и воплями женщин, метавшимися людьми, испуганным визгом детей. Сразу с четырёх сторон зашлись огнём дома, заревел скот, запертый в стойлах. Несколько отчаянных мужчин во главе со старейшиной успели вооружиться и кинулись на обидчиков, но были смяты конницей оглана Сагайдака. Расправившись с ними, воины хана бросились грабить занимавшиеся огнём дома, выводить скот. Попутно хватали молодых женщин и девушек.

– Повеселитесь сами, – кричал тысячник Сагайдак, – а после тащите их в обоз! Привезём оставшимся в стане друзьям хорошее развлечение!

Сам Сагайдак разглядел во дворе старейшины прятавшуюся за стогом сена молодку, он с ухмылкой направил коня к ней. Испуганное лицо обречённой, её страх лишь раззадорили тысячника:

– А ты, красавица, не желаешь развлечь моих воинов?

Сабитджан, спрятавшийся в сарае, заледенел от ужаса, когда услышал отчаянные крики матери. Он видел, как воин в богатой кольчуге, не спускаясь с коня, ухватил женщину за косы и потащил её за собой. От его глумливого смеха и захлёбывающихся воплей матери у Сабитджана всё перевернулось в груди. Словно невидимая сила бросила мальчика к стене сарая, где висел старый лук и колчан со стрелами. Отец часто учил своего неповоротливого сына стрельбе из лука, но Сабитджан ни разу не попал в цель. Теперь же его пальцы проворно сорвали лук со стены, вставили стрелу в тетиву. Он удивился, что руки не дрожали, действовали так сноровисто, словно были и не его руками.

Сабитджан выглянул из сарая. Отчаянное сопротивление женщины надоело кочевнику, он отпустил её косы и нашарил ладонью рукоять сабли. Военачальник замахнулся, и внезапно

опрокинулся навзничь. Стрела вонзилась в незащищённое горло, фонтаном хлынула кровь, и лучший ханский тысячник Сагайдак, сражённый мальчишкой, свалился к копытам своего скакуна. Из-за пазухи выпал кожаный мешочек и покатился красный рубин, смешиваясь с кровью недавнего своего хозяина. Бесценный камень утонул в рыхлом, истоптанном всадниками снегу, затерялся в земле, возвращаясь в недра, некогда родившие его.

Глава 9

В конце зимы казанский хан Мамук помиловал улу-карачи Кель-Ахмеда и мансурского эмира Агиша. Оба престарелых вельможи провели в зиндане немало дней. Они не узнали Казань, когда вышли из неволи. Город был взбудоражен. Жители столицы собирались небольшими группами на базарах, площадях, около мечетей, громко выражали недовольство правлением хана. Люди, ещё вчера выступавшие против Мухаммад-Эмина, сегодня молили Всевышнего о его возвращении. Правление Мамука переполнилось беззаконием, беспричинными казнями, грабежами и поджогами казанских аулов. Девушек увозили из их домов на поругание воинам Мамука, у торговцев отнимали товары, у земледельцев – скот и запасы зерна. На иноземных купцов наложили крупные поборы, доселе невиданные в этом ханстве. Казанские вельможи со страхом взирали на непредсказуемого повелителя, по прихоти которого каждый из них мог лишиться имущества, земель, свободы, а то и жизни. Сам хан проводил время в пирах и развлечениях, но его соратников уже не удовлетворяли мелкие грабежи, им хотелось большой, настоящей добычи. Они ждали от своего предводителя приглашения в набеги, к которым привыкли за свою воинскую жизнь, состоявшую из бесконечных битв.

Мамук помиловал эмира Кель-Ахмеда с одной целью: он не мог справиться с большой государственной машиной. Хан чувствовал сгущавшиеся над головой тучи, хотя и не опасался за свою жизнь, но желал, чтобы неприятными делами занялся улу-карачи. Дни, проведенные в сыром, холодном зиндане, научили Кель-Ахмеда многому. Он не поднялся на открытую борьбу против Мамука, а сделал вид, что полностью согласен с его грабительской политикой. Всё чаще повелитель заговаривал о набегах. Но длительные походы следовало отложить до лета, наступал первый весенний месяц, несший за собой распутицу, ледоход и весенние разливы.

– Мы пойдём на Арск, – заявил на одном из заседаний дивана хан. – Местный князь отказался доставить ясак, который я наложил на его княжество. День пути, и мы будем у стен бунтовщика. Мои воины засиделись на месте, их сабли ржавеют в ножнах, батыров ждёт знатная заварушка!

Глаза хана Мамука загорелись, казанские вельможи вяло соглашались с ним, кивали головами.

– Но вы должны пойти со мной. – Мамук указал на улу-карачи и других предводителей «восточной» партии. – В моей борьбе с бунтовщиками не помешают и ваши воины, пусть поучаствуют в славной битве!

Повелитель покинул диван в лучшем расположении духа. Давно он не слышал возражений от казанцев; гордые карачи соглашались с ним во всём. И этот поход на Арск должен был сплотить их воедино и дать напиток крови его сибирцам, жаждущим битвы и добычи. Хан Мамук уже слышал лязг откидывающихся ворот городка, видел несущихся по горящим улицам всадников, трусливых людишек, разбегавшихся в разные стороны, длинные обозы, гружёные добром.

Оставшиеся в Тронном зале вельможи переглянулись и, не говоря ни слова, поднялись со своих мест. Казалось, каждый боялся вымолвить лишнее слово, опасался своего соседа и участи, какая могла последовать вслед за неосторожными речами. Хранитель ханской сокровищницы нагнал улу-карачи. Почтенный Ислам-бек выглядел расстроенным:

– Уважаемый эмир, не уделите ли вы мне немного вашего драгоценного внимания?

Кель-Ахмед кивнул головой:

– Только там, где мы можем поговорить без посторонних глаз и ушей.

– В моей сокровищнице, – шепнул хранитель. – Я не вижу места надёжней.

Вдвоём они поспешили в подвалы, где располагалась ханская казна и самая ценная её часть – сокровищница, созданная ещё при хане Махмуде. Стражники кланялись важным вель-

можам, торопились отпереть массивные замки. Глухо лязгали решётки, расположенные через каждые двадцать шагов. Факелы, воткнутые в железные гнёзда, откидывали на вошедших мужчин мерцающий свет, и причудливые тени плясали по каменным стенам подвала.

Они остановились в комнате, которая служила Ислам-беку кабинетом. Здесь хранились книги с описями сокровищ и древние манускрипты, перечислявшие драгоценные камни, их свойства и условия хранения. Улу-карачи чувствовал себя Али-бабой из старой сказки, которую в детстве рассказывала ему нянька. Кель-Ахмед был на пороге пещеры, где хранились несметные богатства страны, но даже он, первый вельможа Казани, ни разу не входил в эту обитель. И сейчас она оставалась недоступной, пряталась за ещё одной стеной и самой массивной решёткой, крепко вмурованной в камень.

– А теперь можно и поговорить, – с облегчением вздохнув, произнёс Ислам-бек. – Поверьте, благородный эмир, я не сплю уже несколько ночей и не в силах справиться со своими страхами.

– Что же вас беспокоит, уважаемый бек?

– Наш новый повелитель! – Хранитель сокровищницы взмахнул широкими рукавами, отороченными россыпью мелких сверкающих камней. – Он вызывал меня на днях и требовал ввести его в сокровищницу. Хан Мамук желает выбрать подарки своим огланам, вознаградить их за верность. Он считает, что заветная комната должна быть всегда открыта для него.

– Но это невозможно! – Улу-карачи, закипая гневом, который он и не собирался скрывать перед лицом хранителя, ударил кулаком по массивному столу. – Со времён сына великого Улу-Мухаммада правители пополняли сокровищницу ханства, но никто не осмелился её разорять. Не было повелителя, который запустил бы сюда руку даже в тяжёлые времена, когда требовались деньги на походы и войну. Нашими предками завещано хранить и преумножать неприкосновенный запас. И только угроза гибели ханства может позволить открыть двери хранилища!

– Я знаю об этом, великий эмир. Но ещё мой отец, достопочтимый Ураз-бек, рассказывал мне старую персидскую легенду, будто бы благородные камни – творение самого Иблиса. Когда-то Иблис заметил, что Ева любит прекрасными цветами в садах Аллаха, и дал драгоценным камням великолепный блеск, дабы возбуждать в людских сердцах алчность и соблазн. Хан Мамук не отступится от сокровищницы. Как только он вернётся из похода, ему захочется вознаградить своих воинов, и он войдёт в наше священное хранилище!

Глаза улу-карачи сверкнули яростно, он медленно покачал головой:

– Этому никогда не бывать, Ислам-бек, Мамуку не достанется даже самое малое колечко, хранимое вами. А теперь прощайте, мне следует отдать распоряжение своим воинам, пора готовиться к походу на Арск.

В тот же вечер из дворца улу-карачи Кель-Ахмеда выехал всадник. Тайный гонец направлялся в Арск к местному князю с предупреждением о смертельной опасности, которая грозила непокорному городку.

Соединённые отряды казанских карачи и сибирских воинов Мамука вышли из Казани в хмурое, ветреное утро. Редкий снег, кружась, падал на гривы коней, на кольчуги и шлемы воинов. На привал остановились, когда до Арска оставалось не более часа пути. Казаки давали передохнуть коням, разжигали костры, ждали идущие следом обозы. После короткой остановки спешно собрались в путь, хан приказал добраться до Арска до вечерней темноты, пока городские ворота открыты.

Уверенный в том, что арский князь ничего не знает об их планах, Мамук мечтал беспрепятственно войти в город, обречённый на разорение. Но на подходе к Арску повелитель обнаружил потерю: все карачи во главе с эмиром Кель-Ахмедом и отрядами казанских казаков покинули его. А сумеречные стены городка встретили сибирцев странным безмолвием и

тишиной. Ворота оказались заперты, и когда воины попытались подступить к стенам, на их головы посыпался град стрел. Защитники крепости приготовились к серьёзной обороне.

Ханское войско простояло под Арском несколько дней, опустошило окрестные селения и вынуждено было вернуться в Казань ни с чем. Но и ворота столицы ждали их наглухо закрытыми. Сибирцы принялись роптать, они опасались застрять в весенних разливах рек и призывали хана Мамука отступить в их родные края. В опустошённых аулах не оставалось продовольствия, местные жители угнали весь скот, и Мамук с воинами, опасаясь нескончаемых бедствий, отправились в Кашлык. Заносчивый Шейбанид продержался на троне Казани менее пяти месяцев.

Улу-карачи Кель-Ахмед ждал вестей от верных людей. Родовой дворец эмиров Ширинских напоминал крепость, подготовившуюся к долгой осаде: двор был полон вооружёнными казаками. Воины Кель-Ахмеда каждые полчаса объезжали сложенные из камня стены, окружавшие дворец улу-карачи. Личная охрана в полном боевом вооружении никого не допускала в кабинет господина без его особого распоряжения.

Кель-Ахмед в задумчивости перебирал бумаги на своём столе. Под распахнутым казакимом из зелёной парчи виднелся тёмно-вишнёвый кулмэк²³. Драгоценный пояс с застёжкой, украшенный бирюзой и опалами, был перекинут через подлокотник кресла. Эмир затёкшей спиной прислонился к обитой бархатом спинке сидения, неспешно провёл старческой ладонью по ажурным завиткам пояса, его взгляд задержался на крупном топазе. В его роду всегда ценились редкие камни за необычный цвет, чистоту и крупные размеры. Топаз был красив, отсвечивал прозрачным золотистым свечением на голубую бирюзу, хороводом кружившую вокруг камня. «Помоги мне, о Камень, дарующий заблудшему в лабиринте истины внутреннее просветление!²⁴ Укажи, правильный ли я избрал путь, не была ли вся моя жизнь ошибкой, долгой ошибкой длиною в целую жизнь!»

Кель-Ахмед вздрогнул от этой мысли, столь неожиданно пришедшей в его голову. С каким нетерпением когда-то он ожидал смерти отца, как рвался к власти! Он презирал своего родителя, который поддерживал мирные отношения с урусами, и его политику называл трусостью слабого старика. Все эти годы Кель-Ахмед придерживался иных взглядов, всю жизнь провёл в борьбе за «восточную» направленность великого ханства. А ныне всё перемешалось в его голове, зашатался замок так долго лелеемых планов, рухнул вместе с шейбанидом Мамуком. Может быть, следовало обратиться за новым повелителем в Ногайскую степь или послать своих людей в Хаджитархан. Но никто не мог уверить старого улу-карачи, что пришлый правитель, воспитанный в чужих землях, не поведёт себя в Казанском ханстве, подобно башибузуку, ворвавшемуся во враждебный город.

Мало кто из вельмож казанских знал о его метаниях. Знатнейшие карачи и сами проводили дни и ночи в раздумьях. Страна не могла оставаться без повелителя; Казань ждала своего правителя, и даже притихшие улочки и слободы, казалось, переполнились людским ожиданием. Никто из жителей ещё не знал, что ширинский эмир, глава казанского дивана, решил поменять политику государства, доверенного его заботам. То, что многие годы для него казалось невозможным, случилось в одночасье. Встав этим утром со своего ложа, эмир решил отправить гонцов к казанским карачи и объявить им свою волю. Казань должна была примириться с Москвой и просить на ханский престол сына покойного Ибрагима.

Шум, донёсшийся со двора, заставил Кель-Ахмеда вскинуть голову. Он тревожно прислушивался к топоту коней, окрику стражи и многоголосому человеческому гомону, но в следующую минуту с силой вскинул своё крепко сбитое тело и подошёл к окну. Сквозь приоткры-

²³ Кулмэк – рубашка, платье.

²⁴ В древности топаз считался камнем внутреннего просветления.

тый ставень глава дивана разглядел эмиров, которые ответили на его приглашение. Он увидел плутоватого Садыр-Барына с круглым, как луна, лицом и утонувшими в глубине набрякших век хитрыми глазками. А ещё сухонького старика Агиш-Мансура, управлявшего свой длинный бархатный чапан. Не было среди прибывших гостей только главы рода Аргынов. Улу-карачи задумался, пощипывая седеющую бровь. Его озадачило отсутствие бека Урака, всегда стоявшего на его стороне. Он заметил, что эмиры в сопровождении своих телохранителей вступили в пределы дворца. Тогда Кель-Ахмед снял пояс с подлокотника кресла, перетянул им парчовый казакин и, вскинув голову, отправился встречать дорогих гостей.

Лишь утром следующего дня стало известно, что Урак-Аргын, единственный из высших вельмож, не согласился с решением улу-карачи. Урак с ближайшими людьми бежал в Кашлык вслед за ханом Мамуком. Казанское же ханство послало в Москву официальное посольство с просьбой прислать им правителем младшего сына хана Ибрагима и госпожи Нурсолтан – солтана Абдул-Латыфа, ныне проживавшего в Звенигороде.

Глава 10

Гёзлев пропах запахом солёной рыбы. Портовые склады забивали бочками с товаром, который пользовался особым спросом в Венеции, Генуе и итальянских княжествах. В море сновали рыбацьи суда-барки, без устали закидывающие сети и наполнявшие недра лодок живым серебром. В небольших поселениях, раскинувшихся по берегу мелководной гавани, семьи рыбаков с рассвета до заката разделявали богатый улов. Песчаный берег был усеян чешуёй, гниющими останками рыб, в больших плетёных корзинах копошились крабы. Особо ловким из них улыбалось счастье: зацепившись тёмными клешнями за край корзины, они переваливались на песок, замирали на мгновение, а через секунду уже, перебирая проворно множеством лапок, улепётывали к воде. Удачливые достигали водной кромки, смешивались с морской пеной, исчезали, прячась под камнями. Но многих подводила жадность. Учув запах гниющих кишок, крабы поворачивали к высившимся кучкам из рыбьих останков. Около желанной добычи уже кружили крикливые чайки; тащил свой кусок неповоротливый баклан, лениво взмахивая крыльями. А по берегу, на беду крабам, пробежали с гомоном и криками босоногие мальчишки. Они попутно похватили разбежавшихся особей за клешни и забросили их назад в корзину с кучей пленённых сородичей.

К берегу подходили лодки с очередным богатым уловом. Рыбаки торопились: с приходом жаркого лета завершалась путина. В летние месяцы залив мог накормить только семью рыбака. Зато сейчас нередко удавалось поймать белугу, сравнимую по размерам с рыбацким барком. Из её чрева доставали не один бочонок икры, а торговцы давали за солёный деликатес хорошую цену. Рыбаки перекликались меж собой, торопили работников складов.

– Соль, давай соль!

– Эй, гони арбу на склад!

– Ножи точи!

Женщины в эту горячую пору, не поднимая головы, укладывали рыбные пласты в бочки, заливали соляным раствором. Под длинными навесами вялились чебаки и линии, подвешенные к бесконечным рядам верёвок. Здесь же крутились купцы, промышленявшие рыбной торговлей. Они спорили и рядились до хрипоты и, когда сделка заканчивалась обоюдным соглашением и выгодой, хлопали по скользким, пропахшим рыбой ладоням рыбаков. Некоторые торговцы взамен товара гнали в селения арбы с солью. Озёра, которые раскинулись неподалёку от Гёзлева, за лето скапливали на своих берегах огромные запасы соли. Она составляла основную статью доходов города от торговли, длинные вереницы воез тянулись от озёр целыми днями. Соль покупали все: рыбаки, местные торговцы и иноземные купцы, набивавшие трюмы своих кораблей этим ценным грузом.

Вся эта огромная, процветающая рыбно-соляная империя Гёзлева приносила баснословные доходы эмиру рода Мансуров. Богатство и могущество господина в полной мере отражал великолепный дворец. Эмир не жалел средств, чтобы приукрасить своё жилище, и его вельможи по достоинству оценивали красоты дворца, вознося щедрые похвалы к трону Дин-Шаиха. Самым лелеемым и любимым местом во дворце был сад, которому эмир уделял особое внимание.

Каждый вечер Дин-Шаих прогуливался по цветущим аллеям. Конец крымской весны улаждал душу розовым цветением персика, красно-алым ковром тюльпанов, синевой пышных столбиков гиацинта. Эмир, заложив руки за пояс, неторопливо двигался по посыпанному песком дорожкам, и порой останавливался, чтобы разглядеть особо восхитивший его цветок. Он не мог и предположить, что ожидает его за следующим поворотом садовой дорожки. И

только его любимая наложница, черкесская княжна, названная им Нилюфер²⁵, знала об этом. Не одну ночь провела она в мучительных раздумьях, готовила месть давнему обидчику, перевернувшему всю её жизнь. Пришёл долгожданный день расплаты.

Полгода назад юзбаши Хыяли, который доставил новую невольницу ко двору мансурского господина, был принят Дин-Шаихом благосклонно. Красавица-княжна пришлась по душе стареющему эмиру, и он ревниво оберегал свой сказочный цветок, а потому нанял для наложницы особую охрану. Начальником телохранителей назначил кочевника Хыяли, поразившего эмира непревзойдённым владением кинжалом и ловким метанием аркана.

Красавица оказалась на редкость капризной, а Дин-Шаих потакал ей, позволял молодой женщине вольности, недопустимые ранее для одалисок. Нилюфер не пожелала жить в гареме вместе с женщинами эмира, и Дин-Шаих приказал поселить свой цветочек в уютном жилище в Розовом саду. Жилище напоминало дворец в миниатюре, и привели его в порядок в соответствии с пожеланиями наложницы в короткий срок. Уже второй месяц красавица проживала в отдалении от эмира. Дин-Шаих каждый вечер навещал Нилюфер и находил особую прелесть в их свиданиях, скрытых от дворцовой сутолоки, от плетущих свои бесконечные интриги прислужниц и евнухов.

Сегодня на закате Нилюфер назначила свидание эмиру в беседке, оплетённой виноградной лозой, и грузный вельможа, как нетерпеливый юноша, едва сдерживал своё желание поспешить на встречу к красавице. Он послушно дожидался назначенного ею часа. «Чем сегодня удивит меня маленькая Нилюфер? Будет петь черкесские песни, танцевать свои завораживающие взор танцы или придумает что-то новое, ещё ни разу не виденное мной?» Дин-Шаих пытался угадать, чем порадует его любимая наложница, вздыхал и млеял в ожидании скорой встречи, в то время как черкешенка торопилась исполнить задуманное.

Хыяли застыл неподалёку от беседки, зорко вглядываясь в шелестевшие от поднявшегося ветра кусты и деревья. Ветер налетал внезапно, словно кто-то огромный и невидимый дул то в одну, то в другую сторону. Даже шелест качавшихся шапок кустарника был наполнен тревогой. Возможно, тревога и чувство опасности сидели в нём самом с тех пор, как капризная княжна пожелала удалить всю охрану из сада, оставив только его. Юзбаши скользнул взглядом по беседке, в которой укрылась любимая наложница эмира. Он приказал себе не думать об этой женщине с того дня, когда они ударили по рукам на рынке Солхата с главным поставщиком эмирского гарема. Черкешенка отныне принадлежала могущественному Дин-Шаиху, эмиру, который наряду с великим ханом и другими беями управлял этой страной. Теперь глава рода Мансуров стал его господином.

Хыяли гордился новым положением. Он считал, что сравнялся со старшими братьями, занимавшими в Крымском ханстве уважаемые и почётные должности. На окраине Гёзлева юзбаши купил дом, поселил в нём и племянника Геворга. Юноша во всём подчинялся дяде, который обучал его джигитовке и владению оружием. Многие годы Геворга ограничивали стены армянского монастыря, он привык жить по строгому монашескому уставу, но сейчас юноша с головой окунулся в новый, неведомый доселе мир. Турыиш ожидал возвращения сына, но Геворг, вкусив вольной жизни, опасался, что с отцом ему будет скучно и одиноко, как в монастыре Сурб-Хач. Юноша оттягивал день отъезда, ожидал чуда, и чудо случилось, когда однажды дядя Хыяли, войдя в дом, с порога объявил:

– Геворг, скоро я смогу взять тебя в охрану княжны. – И тут же поддразнил: – Или ты собираешься отправиться в Солхат?

– О нет! – Юноша подскочил с ковра, где разглядывал разложенное оружие. – Как же скоро это произойдёт?

²⁵ Нилюфер – имя персидского происхождения, означает цветок лотоса.

Хыяли явно не понравился вопрос племянника. Он скривился, словно от зубной боли, ответил нехотя:

– Госпожа Нилюфер прогнала двух моих лучших воинов, они осмелились играть перед её домом в кости. Она очень капризна и требовательна. Я всё время думаю: стоит ли мне вводить тебя в охрану этой взбалмошной наложницы, которая воображает себя первой госпожой гарема?

Геворг при упоминании имени черкешенки густо покраснел и опустил голову.

– Так ты до сих пор не избавился от мыслей о ней?! – сердито вскричал Хыяли, заметивший это. Он заставил юношу взглянуть ему в глаза и уже ласково добавил: – Запомни, сынок, женщины – это испытание, посланное коварным шайтаном. А в самых красивых из них сидит по два шайтана, и они стремятся погубить душу правоверного. Если ты по-прежнему будешь думать о наложнице нашего господина, высокородного эмира Дин-Шаиха, да осыплет его Аллах благостью, я не смогу устроить тебя на службу.

Геворг испугался, что исполнение его мечты ускользнёт из рук, торопливо замотал головой:

– Разве я посмею глядеть на госпожу как на женщину? О, поверьте мне, дядя, клянусь, я буду самым верным и безукоризненным стражем!

– А что скажет твой отец? – ввергая себя в ещё большее раздумье, а юношу в невольный трепет, произнёс Хыяли. – Ведь он ожидает тебя, чтобы забрать с собой в Казанское ханство.

– Но я... я. – Геворг смешался и замолчал. Он с немой мольбой глядел на дядю.

– Тебе хочется остаться со мной? – помог ему наконец Хыяли.

Юноша судорожно сглотнул и кивнул головой:

– Я очень хочу этого, Хыяли-ага! К тому же неизвестно, сможет ли отец отправиться в Казань, сменится ли когда-нибудь власть в этом благословенном городе.

– Ты убедил меня, сынок. – Юзбаши похлопал юношу по плечу. – На днях я обращусь к уважаемым людям, огланам, которые ведают охраной самого эмира, и обещаю тебе, что с их согласия ты будешь принят на службу.

Сейчас, стоя у беседки, темневшей резными виноградными листьями, Хыяли припомнил этот разговор с племянником. Вечером он обещал испытать его в джигитовке и стрельбе из лука. «Ты должен доказать мне, что достоин служить в охране госпожи Нилюфер», – говорил Геворгу юзбаши. Его служба закончилась час назад, и юноша, должно быть, ждал его у ворот эмирского дворца. Хыяли полагал, что отсюда они отправятся за город, к огромному тутовому дереву, на котором все начинающие воины испытывали меткость своих стрел. Геворг ждал его, а он был вынужден стоять в карауле из-за каприза любимой наложницы эмира.

Хыяли недовольным взглядом скользнул по беседке и замер: в проёме откинулась бело-снежная кисея и на пороге появилась Нилюфер. Она вся светилась в длинной розовой рубахе. Её распущённые косы покорными змеями вились по высокой груди и опускались почти до пят. Босые ножки, словно вырезанные рукой искусного ваятеля, медленно ступали по деревянным ступеням. Нилюфер остановилась, словно его взгляд застиг её врасплох, и вдруг засияла улыбкой, призывно поманила мужчину рукой. Не веря своим глазам, Хыяли не тронулся с места. А она вновь подняла белую руку, так что широкий рукав мягкими складками скатился вниз, обнажил шелковую кожу, и призвала жестом:

– Хочу отдать вам распоряжение, юзбаши. Войдите в беседку, на улице ветрено, я замёрзла.

Хыяли не знал, какое затмение нашло на него в тот миг. Вспомнился вдруг жаркий день в Кафе, пыльный караван-сарай, переполненный людьми, и эта женщина, которая едва не стала принадлежать ему на грязном полу кельи. Он давно запретил себе думать об этом эпизоде, но его руки, губы и тело, как оказалось, ничего не забыли. Будучи даже начальником охраны наложницы, он не мог оставаться с ней наедине, не должен был видеть лица женщины эмира.

Но в тот миг он и не вспомнил о запретах. Как замороженный, Хыяли шагнул в беседку. Вцепившись руками в деревянный проём, он своим могучим телом заслонил дневной свет. Мужчина едва угадывал силуэт красавицы в полумраке беседки, слова из пересохшего горла вырвались хриплым шёпотом, растворившись в манящей, благоуханной темноте:

– Что желает, моя госпожа?

– Иди сюда, Хыяли. Подойди ближе ко мне.

Судорожно сглотнув, он шагнул за порог и ощутил руки женщины на своём теле. Она торопливо срывала с него пояс, стягивала с плеч строгий чапан. Зажигаясь её страстным нетерпением, мужчина схватил обольстительницу в крепкие объятия. Но она вдруг закричала, заломила руки, принялась звать на помощь. Хыяли отступил, хотел бежать, но наткнулся на взбешённого яростью старого эмира...

Глава 11

Кони летели по улицам Гёзлева, и в глазах всадников мелькали дома и дворы с глухими каменными стенами. Дома, по большей части из саманного кирпича, имели деревянную надстройку, нависающую над первым этажом. Из-за этой особенности строений улочки сужались, и в иных местах небо проглядывало лишь тонкой полоской меж зазубренных краёв черепичных крыш. Узкие улочки кварталов часто вели в тупик, и всадники, незнакомые с городом, давно бы встретились с непреодолимой преградой. Но седоки, спешившие в этот вечерний час по улицам города, хорошо знали Гёзлев. Они вскоре миновали городские ворота и оставили позади мощные крепостные стены. Пыль завилась клубами под копытами скакунов, а мужчины лишь прибавляли скорость, нахлёстывая коней по взмокшим бокам. Остановились они, когда ночь опустилась на землю, и на небе всплыл серп молодого месяца.

Хыяли спрыгнул на твёрдую почву, без сил уткнулся в мокрую гриву коня. Скакун тяжело дышал, его опавшие бока и тонкие сильные ноги пробирала дрожь.

– Надо напоить коней, – глухо бросил юзбаши, в котором пробудилась кровь кочевника, прежде всего заботящегося о лошадях.

По дороге, ведущей из Гёзлева в южные вилайеты Крыма, встречалось достаточно колодцев, облегчавших жизнь путников. Около одного из них и остановился Хыяли со своим племянником. Здесь можно было напоить коней и самим окунуть деревянные чаши в прохладную, живительную влагу. Они утолили жажду, напоили скакунов, расседлали их, обтёрли досуха мокрые бока. Нехитрые заботы о конях отвлекли обоих от мрачных мыслей. Юзбаши не решился ночевать у колодца, они отправились в сторону степного холма, ведя скакунов под уздцы.

– Что случилось, дядя? – отважился наконец спросить Геворг.

– Мы не можем возвратиться в Гёзлев, – нехотя отвечал Хыяли. – В дороге надо быть очень осторожными. Я уверен, за нами вышлют погоню, а может, уже и послали.

Он отмахнулся, избегая дальнейших расспросов, и помрачнел ещё больше. Геворг больше не осмелился продолжать разговор. А изворотливый ум кочевника искал выход из смертельной опасности, которая нависла над ним. Эмир Дин-Шаих никогда не простит ему посягательства на любимую наложницу. От его гнева не найти спасения ни у братьев, ни у их могущественных покровителей – великого аги Крыма Хусаина-мурзы и самой валиде Нурсолтан. Рано или поздно по решению суда Шарията он окажется в руках мансурского бея, а господин никогда не поверит Хыяли, даже если он будет клясться на Коране, рассказывая о кознях Нилюфер.

Сотник скрипнул зубами: «Змея! Как ловко она оплела меня, как ужалила, отравила своим ядом!» Хыяли корил себя за слабость и за то, что по его вине пропадёт этот юноша, сын Турыиша, которого он успел полюбить.

За холмом мужчина остановился, зорко взгляделся в темноту, туда, где оставался колодезный навес. Ночью звуки разносятся далеко и различимы малейшие шорохи, если преследователи проскачут по дороге, Хыяли их услышит, а пока следовало отдохнуть и дать передых коням. «И ещё, – успел подумать юзбаши, проваливаясь в сон, – в первом же селении надо купить или украсть лошадей. Нам нужны заводные скакуны, без них не оторваться от преследования...»

Хыяли проснулся спустя три часа, словно кто-то толкнул под руку. Он замер, прислушиваясь к тишине предрассветных сумерек. В степи было тихо, только слышалось, как стреноженные кони с хрустом жевали траву. Успокоенный Хыяли взглянул в небо, огромные звёзды, висевшие над головой, меркли, теряли свою яркость. Ещё немного, и между небом и краем степи появится розовая полоса, медленно разольётся по горизонту, захватит половину небо-

склона. Хыяли привстал, взглянул на спящего рядом Геворга. Тот раскинулся на траве, как ребёнок, спал крепко, такого можно взять сонным, ничего и не почувствует. Не кочевник, совсем не кочевник сын Турыиша, да и до сильного воина ему ещё далеко. Сотник потянулся, разминая затёкшее тело, поднялся одним пружинистым, неслышным движением. Он пригнулся, прислушался ещё раз: вокруг по-прежнему было спокойно. Обойдя холм, за которым они устроились на ночлег, мангыт взглянул в сторону колодца. Уже хорошо проглядываемая серая дорога была пустынна. Хыяли удовлетворённо кивнул, вернулся назад и разбудил юношу.

Коней повели к колодцу, напоили их перед дальней дорогой. Юзбаши наскоро сотворил утреннюю молитву, что не осуждалось правилами Шариата для человека, находящегося в пути. Солнце ещё только показало свой розово-красный бочок над степью, а они, оседлав скакунов, уже отправились в дорогу.

Вскоре показалось первое селение, но беглецы объехали его стороной, опасались, что преследователи, промчавшись здесь ночью, могли заночевать в этом ауле. На равнине за селением щипали скудную траву овцы, чуть поодаль пасся лошадиный косяк. Жеребцы под седоками заволновались, почуяли близость кобылиц. Хыяли нащупал за поясом кошель, в нём хранилось несколько монет, какие были при нём в злополучный час побега из Гёзлева. Все сбережения остались в доме на окраине города, куда он уже никогда не вернётся. Мангыт решил, что тратиться нужно экономно, когда ещё они доберутся до того места, куда без усталости мчатся второй день. Да и где это место? Ехать ли в Солхат или сразу бежать в степи, где теперь кочует родное племя? Где укрыться от гнева эмира из рода Мансуров, сможет ли он замести следы и переждать в укромном уголке, пока утихнет разворошенное осиное гнездо?

Табунщик, завидев чужаков, приподнялся на стременах, беспокойно затеребил кнутовище плети.

– Эй, старик! – Хыяли подъехал ближе. – Продай нам пару коней.

Табунщик почесал затылок, сдвинул на лоб войлочную шапку:

– Не могу, господин, косяк принадлежит моему хозяину Тук-баю. Дом его на главной улице. – Старик указал кнутовищем в сторону аула.

– Мы спешим, уважаемый, – теряя терпение, угрожающе процедил юзбаши.

– Ничем не могу помочь, господин, – растерянно развёл руками табунщик. – Тук-бай снимет мне голову, если продам коней без его ведома.

Кочевник ощерился, быстрым взглядом окинул косяк. В нём по большей части были кобылицы, но среди молодых жеребцов он заметил аргамака. Статный красавец с длинной стройной шеей и шелковистым блеском короткой шерсти был необыкновенно хорош. Под кожей его перекачивались плотные мышцы, а стройные, тонкие, как у изюбра, ноги грациозно переступали по траве. Хыяли и спрашивать не стал у старика, метким глазом степняка, всю жизнь имевшего дело с лошадьми, оценил: этот жеребец стоил дорого, за такого одного можно отдать косяк. Подобравшись в седле, юзбаши не сводил глаз с аргамака:

– Продай этого!

– Что вы, господин! – Табунщик замахал руками. – Это же любимый скакун моего хозяина. Так уж и быть отдам свою лошадку, она неказиста с виду, но выносливей любого аргамака.

Старик, ухватив за поводья, подвёл низенькую коренастую лошадь с косматой гривой.

– И ещё одну дам из косяка, такую же, как моя Пегая. – Табунщик умоляюще заглядывал в глаза сурового всадника. На юношу, который был рядом, не обращал внимания. По всему было видно, кто здесь старший и от кого исходила опасность.

Хыяли с трудом отвёл взгляд от аргамака. Старик прав, такого красавца жаль загнать, уходя от погони. А эти коренастые степные лошадки как раз то, что им нужно с Геворгом.

– Хорошо, пусть будет по-твоему. – Хыяли бросил табунщику монеты. – И поспеши, оседлай вторую лошадь.

Через несколько минут непрошенные гости помчались своей дорогой, а старик упал на колени, предавшись молитве.

«Завтра же попрошу дать мне в помощь кого-нибудь помоложе, – подумал он в сердцах. – Где это видано оставлять такого красавца без присмотра, мало ли лихих башибузуков бродит в округе».

Но не прошло и часа, как на дороге в облаках пыли появились новые всадники. Их разгорячённые кони хрипели, ворочали головами в натянутых поводьях.

– Эй, старик! – крикнул важный господин в богатом кафтане, перетянтом серебряным поясом. – Кто-нибудь проезжал здесь сегодня утром?

– Да, уважаемый, – с поклоном отвечал табунщик, – ещё на рассвете проехали двое.

Аргамак, резвясь около молодой кобылицы, призывно заржал и обратился на себя взгляд одного из воинов. Он наклонился к уху военачальника:

– Взгляните, Дауд-оглан, какой жеребец!

– Красавец! – отозвался посланник мансурского эмира. – Такому аргамачу следует услуждать взор нашего господина. Возьмите его с собой. Если погоня будет неудачной, этот скакун поможет погасить гнев эмира!

Оглан даже не обернулся на отчаянные крики старика, который пытался отбиться от конокрадов. Вскоре и этот отряд умчался прочь, а табунщик, глотая скупые старческие слёзы, уткнулся головой в землю. «Эх! Погибла моя головушка! Куда теперь идти, разве смогу я явиться на глаза баю? Нет больше в табуне порученного моим заботам красавца-аргамача».

Хыяли с Геворгом от погони уходили легко. Степные кони не подвели, резвые и выносливые они, казалось, не знали усталости. Рядом мчались заводные лошади, всадники почти не останавливались в дороге, перескакивали на них и мчались дальше. Дорогу держали к Солхату. Там Хыяли хотел оставить Геворга, а сам задумал скрыться в степи, избезженной вдоль и поперёк. Пусть попробуют отыскать его там, ведь на бескрайних просторах – он как маленькая рыбка в море или как птица в небе.

В Солхат въехали на рассвете, как только открыли городские ворота для торговцев, которые привезли свои товары на базар. Они скользнули меж длинной вереницы земледельцев, везущих на городское торжище щедрые дары крымской земли, и заторопились по улочкам города. Дом Турыиша оказался пуст. Хыяли повертелся на коне в тесном дворике, озадаченно почесал затылок и заметил голову любопытного соседа, который выглядывал через осыпавшуюся ограду.

– Не видели ли вы моего брата, уважаемый?

Мужчина с готовностью закивал головой, довольный, что он может сообщить новость.

– Турыиш-ага ещё вчера отправился в дальнюю дорогу. Наша госпожа валиде, пусть дарует ей Аллах тысячу лет жизни, поручила ему сопровождать в Казань свою дочь, высокородную ханбику.

Словоохотливый сосед и дальше был готов рассыпаться в любезных речах, но Хыяли его уже не слышал. Гикнул дико:

– Хей-я!

Хлестнул коня по бокам и помчался по улицам назад, к городским воротам. Геворг едва поспевал за своим дядей. Он страшно устал, с непривычки болело всё тело, но Хыяли не давал племяннику ни малейшей передышки, и юноша терпел все невзгоды пути, боясь быть осмеянным острым на язык юзбаши.

Глава 12

Караван юной ханбики снарядили в путь за два дня. С такой поспешностью из Крыма не уезжала ни одна царственная особа, если только отъезд не был связан с бегством из страны. Но как только из далёкой Казани прибыло сообщение об изгнании хана Мамука и воцарении на троне ханства младшего сына валиде – Абдул-Латыфа, ханбика Гаухаршад приказала собираться в путь. Никакие уговоры матери, вдруг почувствовавшей, что она навсегда теряет отдалившуюся от неё дочь, не помогли, и даже слёзы её не вызвали отклика в сердце ханбики. Гаухаршад спешила покинуть Крым, словно эта благословенная земля пропиталась смрадом, а почву её усеивали острые шипы. Отряд телохранителей под начальством Турыиша должен был сопровождать ханскую дочь в дальней и трудной дороге и остаться с ней в казанских землях.

Спешные сборы не дали возможности юзбаши послать гонца за своим сыном, и отъезд этот был сопряжён с двойной печалью. В Крыму, который стал для кочевника второй родиной, оставались его братья, а теперь и сын, так долго скрываемый от всего света за каменными стенами армянского монастыря. Но сильнее всего была иная печаль и тревога, гнездившаяся в его сердце. Беспокоила юная госпожа Гаухаршад и необычные отношения, завязавшиеся между ними.

Характер ханбики, увы, ничем не напоминал юных созданий, которые обитали на женской половине дворца повелителя. Девушка была своевольна, с нравом переменчивым, как безбрежное море: сегодня спокойная и ласковая; завтра – бушующая и сметающая всё на своём пути. Не раз, как только Турыиш вступил на путь исполнения своих обязанностей, он чувствовал на себя изучающий, совсем не девичий взгляд Гаухаршад. Турыиш умел держать себя в руках и даже в пылу самой жаркой, отчаянной битвы не терял головы. Но загадочное создание, закутанное в шёлк чадры и предназначенное судьбой стать его госпожой, ставило юзбаши в тупик. Он бы предпочёл, чтобы девушка была тиха, скромна и послушна, чтобы Гаухаршад легко подчинялась наставлениям своей матери и нянек. Ему оставалось бы только охранять её настолько, насколько это предназначалось Аллахом и всевидящей судьбой. Но она вела себя как капризный, непредсказуемый ветер, вдруг рождающийся посреди тихого солнечного дня, как дождь, неожиданно-негаданно брызгавший на сухую пыль дороги и путников, застигнутых врасплох ненастьем.

Невозможно было представить, чтобы слуга завязал какие-либо отношения, кроме сугубо официальных, с одной из дочерей хана Менгли-Гирея. Девушки из ханского семейства, воспитанные в строгости и высокородной гордости, не снизили бы даже до обычного разговора со своей охраной. Гаухаршад смела все его представления о ханских дочерях.

Всё началось с тёплого, ласкового дня, за месяц до отъезда ханбики в Казанское ханство. Гаухаршад пожелала отправиться на прогулку за город. На крымскую землю уже пришла ранняя весна, и предгорья покрылись цветущими кустарниками и деревьями. Землю усыпали первые цветы, смело пустившие свои стрелы среди зелёных островков едва пробившейся травы. Ханбика, как только выбралась из возка, сразу отправилась собирать цветы. Но внимательный взор начальника охраны углядел, что красоты природы мало трогали юную госпожу. Её поездка была задумана с одной целью: ханбике хотелось побыть вдаль от дворца. Всю зиму Гаухаршад упрашивала мать отпустить её в имение, где ханбика провела своё детство, но валиде боялась расстаться с дочерью и на день.

Турыишу был понятен страх уважаемой госпожи Нурсолтан. До него дошли отголоски недавней истории, когда дочь хана Ибрагима нашли в беседке сада в бессознательном состоянии. Кто говорил о неудавшемся похищении, а кто о любовном свидании. Слухи, по большей части превратные и грязные, стужались вокруг Гаухаршад, но она сама относилась к ним со спокойным презрением. Любая другая девушка её возраста побоялась бы показаться на

люди, прятала бы свой позор в укромных покоях, опасаясь хоть чем-то напомнить этому миру о себе. Гаухаршад же разгуливала по ханскому саду, являлась со своей свитой на базар, презрев затворничество, предсказываемое ей гаремными женщинами. Тёмную, загадочную историю при личном вмешательстве хана Менгли замяли, но почтенные матери взрослых сыновей, некогда мечтавшие породниться с дочерью могущественной валиде, резко изменили своё решение. Гаухаршад пошёл семнадцатый год, но никто не сватался к девушке, ведь помимо слухов о скандале, она славилась строптивым нравом. Пожалуй, только это обстоятельство убедило Нурсолтан отправить дочь в Казанское ханство, где брат Гаухаршад мог подобрать ей удачную партию для замужества.

Юзбаши Турыиш, задумавшись о судьбе дочери валиде, не отводил внимательного взора от своей подопечной. Ханбика пожелала прогуливаться по поляне одна, и няньки с прислужницами подчинились госпоже, остались у кибитки. Кто расстилал привезённый ковёр и выкладывал на него нарядные атласные подушечки на тот случай, если ханбика притомится и пожелает отдохнуть. Кто-то раскладывал содержимое корзины со снедью, расставлял кувшины с прохладными напитками. Гаухаршад, в отличие от своей матери, не любила кумыса, для неё на ханской кухне готовили обожаемые ею гранатовые шербеты.

Прислужницами распорядилась старшая нянька Жиханара. Эта грузная, мрачная и подозрительная женщина ни у кого в свите ханбики не вызывала симпатий. А молодым служанкам она внушала страх своими непомерными требованиями и жёсткими наказаниями. Лишь госпожа Гаухаршад пользовалась любовью и уважением старшей няньки. При виде высокопоставленной воспитанницы у Жиханары расплывалось в улыбке круглое лицо, и узкие глаза превращались в две тёмные щёлки. А вот сама ханбика не жаловала никого: ни болтливых, как сороки, служанок; ни верную няньку, бывшую при ней с самого рождения. Она и к новому начальнику охраны относилась с холодным равнодушием, но Турыиш порой ловил её взгляды, когда она с напряжением вглядывалась в миндалевидные глаза юзбаши и замирала от какой-то мысли. Он понимал в эти мгновения, что равнодушие госпожи деланное, а за холодностью ханбики прячется скрытый интерес.

Гаухаршад отходила всё дальше и дальше. Её ярко расшитая чадра мелькала за цветущими кустами, которые поднимались от подножья к вершинам гор. Телохранители оцепили окрестности, но Турыиш обеспокоился, привстав на стременах, проследил глазами направление, по какому двигалась госпожа. Местность здесь была глухая, вдруг ненароком выскочит какой зверь или лихой человек притаится в зарослях. Решив, что лучше он выслушает выговор от юной ханбики, чем подвергнет доверенную его заботам девушку опасности, юзбаши направил коня по зацветавшему лугу. У кромки лужайки, там, где начинались заросли миндаля, Турыиш потерял её из виду. Казалось, только что головка девушки мелькала у высоких кустов орешника, а вот и нет её уже. Оторопев, он позвал негромко:

– Госпожа ханбика, где вы?

В зарослях на его вопрос насмешливо проверещала птаха, вспорхнула, наделав переполоха среди тонких ветвей, и метнулась в синь неба. Турыиш прищипнул коня, крикнул уже с тревогой в голосе:

– Госпожа!

А после уж, когда конь помчал его в гору, слышал девичий смех. Он резко завернул скакуна, заплывавшего на месте. Конь с досадой закусил удила, словно удивлялся неразумности хозяина, посылавшего столь противоречивые приказы. А Турыиш, наконец, увидел госпожу: Гаухаршад устроилась на большом замшелом камне, выступавшем из почвы под кустами орешника. Она сидела, откинув сетку чадры и прикрыв лицо букетом едва распустившихся цветов. Поверх красных и белых бутонов с дерзкой насмешкой глядели её тёмно-карие глаза:

– Что же вы замолчали, уважаемый юзбаши, или внезапно лишились голоса, а может, я превратилась в малую птаху, какую вы ловили в тех кустах?

Она рассмеялась ещё громче, но стоило Турыишу спуститься на землю, как ханбика замолчала. Мужчина привязал коня к тонким, но прочным кустам орешника и повернулся к Гаухаршад. Девушка уже опустила сетку чадры на лицо и сидела тихо, смиренно перебирая лепестки весенних цветов, раскиданных на её коленях. Казалось, это не она вовсе так дерзко разговаривала со своим стражем мгновение назад, не она смеялась, бросая кокетливые взоры на мужчину.

– Госпожа, вам следует вернуться на поляну, – твёрдо произнёс Турыиш.

– Зачем-ем? – она протянула слово с ленцой, повернула голову набок, как капризный ребёнок.

– Весной в горах бывает опасно, госпожа.

– Что же здесь опасного? Взгляните, какое синее небо, а как поют птицы, как цветут деревья. Здесь рай, мой алпаут. О, как освежает этот мир моё сердце, душа пьяна от вольного ветра.

Девушка говорила о красотах природы совсем не восторженным голосом, и не слышалось в её речах восхищения. Она словно иронизировала, повторяла слова юных дев, какие обычно сыпались с прелестных уст при виде цветущих полей и долин. А юзбаши за её иронией слышались и горечь, и безысходность. И он заговорил, отвечая не её словам, а тому состоянию души, в каком пребывала юная ханбика:

– Цветение самого прекрасного цветка порой одурманивает, а лучший из цветов, роскошный мак, лишает человека разума. Вам только кажется, госпожа, что здесь вы в раю, но это обман, даруемый нашей душе посредством наших глаз.

– Обман? – Гаухаршад вдруг поднялась с камня, так что цветы посыпались с её узорчатого подола на землю. – Обман! Какая правда слышится в ваших речах, юзбаши. Вся эта красота вокруг, это сияние дня – всё обман! И я живу в обмане, в мерзкой лжи, опутавшей меня, как паутина гадкого паука. Мне лгут все: мои слуги, моё зеркало и даже моя мать!

Она во внезапном порыве вдруг откинула чадру прочь. Турыиш невольно отступил назад, попытался спрятать свои глаза, но они, едва ли не впервые неподвластные его воле, устремились к страдающему лику девушки.

– И вы тоже считаете, что дочь божественной Нурсолтан должна быть наделена необыкновенной красотой?! – с болью в голосе выкрикнула она. – Так вот этот обман, о котором вы говорили, вот как Всевышний наказал меня, дав мне лицо плебейки!

Мужчина не смог скрыть своего недоумения:

– Кто внушил вам эти мысли, госпожа? Ваша красота не ослепляет, подобно драгоценному камню, не вводит в безумие, но вам дана красота, как всякой иной женщине. Взгляните на свои глаза, губы. – Турыиш вдруг смутился и отвернул загоревшийся взор. Но этого мгновения было достаточно, Гаухаршад уже увидела эту искру, блеснувшую в глазах мужчины, и потянулась к нему, как жаждущий путник тянется к прохладному источнику:

– Так в твоих глазах я красива? О, не отводи же своего взгляда, скажи мне, я красива?!

Её пальцы требовательно коснулись рукава мужчины, вынуждая его вновь взглянуть на неё, и от этого прикосновения тело Турыиша пронзил нервный озноб. Он с трудом сдерживал дрожь возбуждения, а его глаза скользили по юному овалу лица, по девичьему стану, который казался стройнее веток речной ивы.

– Вы очень красивы, госпожа моя, – едва вымолвил он.

Она отпрянула от него, схватила чадру, лежавшую на траве, и бросилась бежать к поляне. Гаухаршад убегала, а её счастливый смех звенел, пройдя сквозь ветви деревьев, он возносился к сияющему светилу.

«Как я позволил себе забыть? – с ужасом подумал Турыиш. Он с трудом пытался успокоить бешеный стук сердца. – Как я посмел своими мыслями и постыдным желанием коснуться этой девушки? О Всемогущий Аллах, за какие проступки послал ты столь тяжкое испытание?!»

Глава 13

И вот теперь, спустя месяц, он сопровождал дочь крымской валиде в далёкую Казань. Первый день путешествия выдался на редкость жарким; утомились и лошади, и люди. Перед ними лежала пыльная, каменистая дорога, унылая и скучная в своём однообразии. К полуденной молитве остановились в маленькой рощице. Они расположились станом у тихо журчавшего, прохладного родника, там же совершили омовение. После молитвы прислужницы выложили на серебряные подносы лепёшки, вяленую конину, сыр, сладкие пирожки. По соседству с закусками устроились узкогорлые кувшины, манившие жаждущих путников своим содержанием.

Турыиш отыскал взглядом ханбику. Гаухаршад отдыхала у родника, опустив руки в прохладную воду. Он с трудом заставил себя подойти к ней. Много дней начальник охраны прятал глаза от своей госпожи, он опасался, что неразумное, необдуманное слово слетит из его уст. Быть может, ему следовало отказаться от почётной должности и вернуться в Солхат? По-прежнему находиться около девушки, к которой он с некоторых пор испытывал чувства, далёкие от чувств телохранителя, было нелегко. Когда-нибудь губы, на которые он наложил печать запрета, разомкнутся, и он скажет то, что родилось и растёт в его сердце. Глупое, неразумное чувство, любовь преступная и слепая, страсть, которая становилась тем сильнее, чем чаще он говорил себе «нет»!

– Госпожа! – он поклонился ханбике. – Не пожелаете отведать то, что послано нам милостью Аллаха?

Она скользнула рассеянным взглядом по лицу юзбаши. Он не мог разглядеть её черт за волосяной сеткой чадры, но по поникшим плечам, по усталому повороту головы явно видел, как девушка измучена непривычной для неё дорогой.

– Когда же кончится этот путь? – тихо спросила она.

Турыиш присел на корточки, бережным движением извлёк руки девушки из воды, обтёр их расшитым полотенцем:

– Если дорога будет удачной, а Всемогущий Аллах благосклонен к нам, к лету мы достигнем пределов Казанского ханства.

– О Всевышний! – вскричала она. – Так нескоро!

Турыиш едва удержался от улыбки. Характер Гаухаршад проявился здесь в полной мере. Более года она изводила всех домашних, твердила о своём немедленном желании отправиться в Казань, но едва столкнулась с трудностями пути, закапризничала. Казалось, стоит ей только предложить вернуться в Салачик, и она тут же забудет о своём горячем желании вырваться из-под опеки матери.

– Не беспокойтесь, госпожа. К вечеру мы прибудем в большое селение, и у вас будет возможность хорошо отдохнуть. Если вы пожелаете, мы остановимся на день или два. Или вернёмся назад?

Глаза Гаухаршад сверкнули под чадрой:

– Вернуться назад?! О нет! Даже если падут мои кони, я пойду пешком, а если ноги избыют острые камни, то поползу на коленях, но никогда не вернусь к матери!

Она резко поднялась и с неожиданной холодностью произнесла:

– Должно быть, перед дорогой вы имели беседу с госпожой валиде. Не она ли приказала вам подмечать любую мою слабость и при случае зазывать назад, в Салачик?

От неожиданности Турыиш не знал, что сказать. Его молчание только распалило Гаухаршад.

– Я не желаю терпеть около себя соглядатаев госпожи Нурсолтан, – процедила она сквозь зубы. – Не лучше ли вам вернуться, юзбаши?

– Вы ошибаетесь, госпожа, – с трудом вымолвил он. – Простите мои неразумные слова. Я хотел бы всё объяснить...

– Вы объясните всё потом, когда у меня будет желание выслушать вас. Только заранее сократите ваши речи, я не люблю тратить драгоценные жемчужины отпущенного нам времени понапрасну!

Гаухаршад вскинула голову и удалилась туда, где её ожидала к трапезе многочисленная свита, а Турьиш так и остался у родника, уничтоженный презрением юной ханбики.

К вечеру неожиданно хлынул сильный ливень. Раскаты грома и сполохи грозы рассекали сделавшееся свинцовым небо, пугали лошадей. Всадники вымокли до нитки, да и в возок госпожи, несмотря на накинутые кожи, проникли струйки воды. Путников спасла лишь близость большого аула, в этом ауле они и должны были остановиться на ночлег. Несмотря на непогоду, Гаухаршад и её слуг на окраине селения встречал его владетель. О прибытии дочери валиде мурзу Кабира заблаговременно предупредил гонец. Госпожу Гаухаршад сопровождали в дом хозяина аула, и от усталости девушка заснула, едва только голова коснулась мягких и ласковых на ощупь подушек.

Наутро ханбика была разбужена суматохой, которой был объят дом мурзы. Потянувшись, она сонным голосом позвала Жиханару. Старшая нянька явилась в мгновение ока, словно всю ночь верная прислужница проспала в ногах госпожи.

– Что там за шум? – недовольно спросила Гаухаршад.

– Мурза Кабир, хозяин этого дома, выдаёт замуж свою дочь, госпожа, – отвечала Жиханара.

– Свадьба? – Ханбика заинтересовалась, приподнялась на локтях, вслушиваясь в разраставшиеся звуки празднества на первом этаже дома. – Скорей подай мне одежду, Жиханара, хочу взглянуть на невесту!

Нянька, давно уже не осмеливавшаяся спорить со своей воспитанницей, достала нарядные одежды и шёлковую чадру. Прислужница внесла тазик и кувшин из белого фаянса для омовения. Она помогала Гаухаршад одеваться и при этом непрерывно щебетала:

– Госпожа, это совсем не похоже на дворцовые свадьбы. Если бы вы не легли вчера так рано спать, то увидели бы много интересного!

– И что же такого я пропустила? – стараясь казаться равнодушной, спросила ханбика. Она оправила чадру так, чтобы та легла красивыми складками.

– О! Вечером проводили обряд с хной, – продолжала тараторить прислужница. – Красили невесте голову и ладони, при этом все девушки пели, а некоторые играли на музыкальных инструментах. Это было так красиво, госпожа! А после хной, что осталась в сагане²⁶, покрасили пальцы всем присутствующим девушкам со словами: «Дай Аллах, чтобы очередь дошла до вас».

Прислужница с торжествующим видом вскинула ладонь, показывая свидетельство того, о чём она только что говорила. Гаухаршад по-детски огорчилась, что пропустила столь занимательное действие, но вида не показала, даже строптиво свела брови. Никто и никогда не заметит её сожаления и досады, что из того, что она не увидела аульной свадьбы, не так уж много и пропустила.

Во дворе раздались звуки заметного оживления, и ханбика отправилась к распахнутому окну. В ворота дома мурзы въезжала нарядная арба, на ней везли связанных баранов, раскрашенных цветами, с позолоченными рогами. Гаухаршад даже рот приоткрыла от такого зрелища, подобного в ханском дворце она точно не видывала. На арбе рядом с баранами кра-

²⁶ Саган – специальная посуда, используемая для разведения хны.

совался толстый ашчи²⁷, он прижимал к груди холщовые мешочки с рисом, солью, луком и приправами.

– Эй, расступись! – веселились высыпавшие на улицу подружки невесты. – Едет сам ашчи, готовить нам суп «упади-уходи»²⁸.

– Расходитесь, неугомонные! – кричал весёлый толстяк. – Лучше несите приданое невесты да грузите в арбу.

Девушки только и ждали этих слов, рассыпались, как стайка воробышков, бросились в дом, а оттуда со смешками и шутками доставили многочисленное приданое невесты. Были там и перины, и одеяла, тканое бельё и чадры, а ещё сундуки и сундучки с вышитыми скатертями, полотенцами, кисетами и миндерами²⁹. Мужчины вынесли дорогой ковёр, а следом в большом количестве медную и серебряную посуду.

Служанка позади ханбики нетерпеливо притоптывала ножкой:

– Давайте же поспешим, госпожа Гаухаршад, скоро придут кудалар³⁰!

Гаухаршад обернулась к невольнице, взглянула в её сияющее веснушчатое лицо и подумала: «Почему бы не спуститься вниз, не полюбоваться интересной церемонией?» Она и не хотела думать о том, что ей следует вновь забраться в душную кибитку и трястись по пыльным крымским дорогам. Ничего не случится, если она задержится в этом гостеприимном ауле ещё на один день. Гаухаршад решительно тряхнула головой:

– Вы будете сопровождать меня, хочу взглянуть на аульную свадьбу!

– О нет, пресветлая госпожа! – Грузная Жиханара умоляюще опустила на колени. – Начальник охраны уже приказал заложить ваш возок. После ливня воздух наполнился желанной прохладой, мы не можем терять день пути, ведь завтра вновь придёт жара и сушь.

– Кто, кроме меня, может решить, когда нам стоит продолжить свой путь? – с угрозой в голосе спросила ханбика. – Я желаю остаться, и сегодня никто не заставит меня двинуться с места, и передай моё приказание сотнику.

Старшая нянька поспешно опустила голову:

– Слушаю и повинуюсь, моя госпожа.

Ханбика победно взглянула на притихшую прислужницу:

– Отправляйся вниз и доложи мурзе, что я желаю присутствовать на бракосочетании его дочери!

Семья хозяина и гости приветствовали ханскую дочь почтительными поклонами. Каждый спешил выразить своё восхищение, и бесхитростные возгласы, прославлявшие ханбику, долго звучали в большом зале. Гаухаршад устроили на самом почётном месте. С внутренним удовлетворением принимала она знаки внимания, здесь, среди простых людей, девушка впервые почувствовала всю сладость и могущество власти, которую приносило в её жизнь высокородное положение. Она со всей полнотой ощутила себя дочерью великого хана, а не падчерицей, живущей в крымском дворце из милости рода Гиреев.

²⁷ Ашчи – повар.

²⁸ Суп упади-уходи (иклкет шорбасы) – рисовый суп с бараниной. Он назывался так потому, что его подавали сразу после венчания, перед отъездом невесты к жениху. Как только гости съедали суп, все вставали и, толкаясь, торопились покинуть дом невесты, чтобы быстрее прибыть в дом жениха. (Взято из воспоминаний о старинных крымских свадьбах.)

²⁹ Миндеры – стенные подушки.

³⁰ Кудалар – сваты и свахи.

Глава 14

Гаухаршад приказала юзбаши Турыишу сопровождать себя на праздник в дом жениха. Начальник охраны не проронил ни слова и почти не поднимал глаз на свою госпожу. Ханбику забавляло его молчание, она чувствовала за ним страх ожидания. Юзбаши ждал объяснения, которого юная госпожа в любой момент могла потребовать от него, а вслед за этим объяснением и возможной отставки. Более всего Гаухаршад хотелось управлять этим сильным, широкоплечим мужчиной, который напоминал ей калга-солтана Мухаммада. Это его, Мухаммада, отвергнувшего её любовь, она хлестала беспощадными словами во время вчерашнего отдыха у родника. Это в его глазах она с мстительной радостью видела и растерянность, и боль. Но ведь и ханбика до сих пор ощущала боль потери, муки отвергнутой женщины.

Несколько часов назад, сидя в одной комнате с невестой, Гаухаршад с затаённым вздохом, еле слышно произносила вслед за дочерью мурзы «да!» в ответ на настойчивые слова свидетеля жениха: «Именем Аллаха, словами Пророка, согласна ли ты стать вечной подругой жизни...» О, как бы ей хотелось, чтобы эти слова произносил свидетель калга-солтана! О, ради этого она могла бы полюбить Крым и остаться здесь навсегда!

Жиханара ждала госпожу у ворот. Она с опаской поглядывала на многочисленные толпы празднично разодетых людей, которые прибывали на торжество, затеянное в доме жениха – местного кадия. Верной няньке казалось, что ханбика роняет своё достоинство одним только присутствием среди простых людей. С той незабываемой ночи, когда её любимую девочку нашли в беседке ханского сада, старшая нянька опасалась любого скандала и даже малейших слухов, какие могли очернить Гаухаршад. И в этот вечер предчувствия неотвратимой беды беспокоили так сильно, что Жиханара готова была умереть, лишь бы прервать недостойные увеселения высокородной госпожи. Когда все гости прошли во двор, а в доме зазвучала музыка, пожилая женщина присела на корточки у одиноко росшей чинары. Она твёрдо решила дожидаться момента, когда Гаухаршад покинет пир. Время шло, и вскоре месяц всплыл на чёрном небосклоне, который осветили тысячи звёзд. Коротая часы ожидания, Жиханара безмолвно молилась. Спустя ещё час отворилась высокая калитка, и нянька расслышала смех Гаухаршад. Ханбика бесстыдно висла на плече своего начальника охраны, её чадра сбилась на бок, и весь вид юной госпожи едва ли можно было назвать пристойным.

– О Аллах! – Жиханара всплеснула руками, кинулась к ханбике. – Какой позор, госпожа, вы же пьяны!

Гаухаршад сердито отвела руки няньки:

– Да, я попробовала сладкого вина! Я сама себе госпожа и могу делать всё, что мне вздумается!

– Юзбаши, как вы могли допустить такое?! – вскричала Жиханара.

Трясущимися руками она пыталась прижать опьяневшую девушку к своей груди, но та не желала лишаться надёжного плеча Турыиша и оттолкнула старуху прочь.

– Юзбаши, я желаю пойти к реке. Мне рассказывали, здесь очень красивая река.

– Но уже ночь, госпожа, – попытался возразить мужчина.

– Вы боитесь ночи? – Гаухаршад вновь рассмеялась. – Меня окружают одни трусы, и даже начальник моей охраны боится выйти за ворота, как только на небо взойдёт луна!

– Но госпожа, – принялась умолять Жиханара, – завтра мы должны отправиться в путь, нас ждёт дальняя дорога. Вам нужно выспаться, ханбика!

– Я ещё успею выспаться, – отрезала Гаухаршад. Она перестала смеяться и потребовала уже с угрозой в голосе: – Желаю увидеть реку и не хочу ждать утра!

Турыиш взглянул на растерянную Жиханару.

– Не стоит ей перечить, – тихо произнёс он. – Я слышал, хмель покидает голову на свежем воздухе. Провожу госпожу до реки, и как только ей захочется спать, приведу её в дом мурзы. Приготовьте ей постель и кумыса на утро, с непривычки ханбике может стать плохо.

Жиханара кивнула головой и отправилась по тихой улочке, причитая и всплёскивая руками:

– О моя повелительница, ваш нором погубит вас! Горе на мою старую голову, господин Ибрагим, не могу я уберечь вашу дочь от неразумных поступков! Об одном молю Аллаха Всемилостивого, пусть отвратит он худшее!

Река, бегущая среди огромных валунов, поблёскивала своими крутыми боками в серебристом свете луны. Гаухаршад заворожённо глядела на тёмную воду, которая манила своей не умолкавшей бесконечной песней. Девушка присела на траву, хранившую прохладу ночи, и поёжилась:

– Присядь же со мной рядом, юзбаши, мне холодно.

В её голосе прозвучал не приказ, а жалоба ребёнка, нуждающегося в ласке и тепле. Турьиш опустился на траву. Он старался не касаться девушки, но она вдруг сама потянулась к нему, тесно прикинула к горячей груди мужчины, обвила крепкую шею руками, так что не вырваться, не уйти из сладостного плена. У него перехватило дыхание, а Гаухаршад всё не разжимала своих рук.

– О, как мне желанны твои объятия, – сонным голосом пробормотала ханбика. – Коснись же моих губ поцелуем, хочу познать блаженство, которое сводит с ума. Не отвергай меня. Дай насладиться тем, что зовётся любовью.

– Госпожа... – Он едва переводил дух.

– Молчи. – Она коснулась мимолётным движением руки его губ и отёрнула ладонь, словно обожглась. – Я так хочу!

Гаухаршад засмеялась лукаво, кокетливо качнула головой:

– Ты боишься греха, но разве не сказал один поэт: «Пусть я грешник, но мудрые грешных прощали, // Ведь имели они снисхождение к греху...»

– Я не греха боюсь, госпожа, – с печалью отозвался Турьиш. – Боюсь той ненависти, что родится в вашем сердце, когда я покорюсь вашей мимолётной слабости. Вы созданы не для меня. Вы – вершина скалы, а я лишь трава у вашего подножья. Вы – драгоценный камень, сияющий в лучах яркого светила, а я – презренная медь, которая никогда не осмелится стать вашим обрамлением.

Гаухаршад откинула чадру прочь. Турьиш глядел и не мог отвести взгляда от блестящих в ночи глаз, насурьмлённых ресниц и сходящихся бровей, от слегка раскрытых уст девушки.

– И ты откажешь своей госпоже? – медленно протянула она. Руки девушки вскинулись вверх, высвобождая пышные волосы из плена многочисленных заколок и звенящих украшений. – Ты же говорил, что я красива. Разве я не желанна тебе, разве не видишь во мне женщины?

– Не искушайте, моя ханбика, прошу, пощадите. – Голос мужчины дрожал от едва сдерживаемого желания. – Моё падение станет и вашим падением. И если мне не страшно наказание за мои грехи, то ваши проклятья, госпожа, станут для меня горше и жгучей плодов адского дерева.

Но Гаухаршад словно и не слышала его, протянула нетерпеливые пальцы к поясу юзбаши, а другой рукой коснулась шеи мужчины, лаская его обнажённую кожу. Турьиш простонал и, стиснув зубы, опрокинул соблазнительницу в траву. Она испугалась его неожиданного порыва, но через мгновение уже загорелась под обжигающими поцелуями, задрожала от неизведанного предчувствия того, чего так боялась и так страстно желала.

– Отец! – Этот громкий крик в ночи внезапно отрезвил их обоих. Турьиш поднялся на ноги, сжимая рукоять сабли, вслушался в темноту. Поднялась вслед за ним и Гаухаршад, принялась приводить в порядок одежды.

– Где вы, отец? – раздалось уже неподалёку. Юзбаши наклонился, торопливо нашарил в траве чадру ханбики.

– Позвольте, моя госпожа. – Турьиш накиннул на голову девушки покрывало, скрыл от постороннего взгляда растрепавшиеся косы, опасно блестящие глаза и губы, предательски хранившие следы его поцелуев.

Он отступил от своей повелительницы на почтительное расстояние и вынул саблю из ножен. Грозно звякнула сталь, и так же грозно он спросил ночь:

– Кто здесь? Выходи!

– Отец! – Юноша, вынырнувший из темноты, кинулся в объятья юзбаши. – Это я, ваш сын Геворг!

– Геворг! – Турьиш с радостным изумлением разглядывал сияющее лицо сына. Он ошупал его плечи, руки, словно и не верил, что перед ним человек из живой плоти, а не джин, посланный Иблисом, дабы посмеяться над человеком. – Но как ты оказался здесь? Как нашёл меня?

– О отец! Об этом расскажет ваш брат.

– И Хыяли здесь? Поистине эта ночь полна неожиданностей. – Юзбаши вдруг поперхнулся, опомнился, что за радостью встречи совсем забыл о ханбике, безмолвно стоявшей в стороне.

– Простите, госпожа, позвольте представить вам моего сына. Если прикажете, ханбика, Геворг отправится с нами в Казань и будет служить вам так же верно и преданно, как служу я. Гаухаршад шагнула вперёд, с холодностью взглянула в лицо юноши:

– Ваш сын не похож на вас, юзбаши, но... он красив.

Геворг опустил на колено, склонил голову:

– Благодарю, милостивая госпожа, за благосклонный взор, что вы обратили на меня. Но осмелюсь, как и отец мой, молить о большей милости: позвольте служить вам, светлейшая ханбика!

Гаухаршад хоть и сердилась на юношу, который нарушил таинство их свидания, решила сменить холодность на снисходительность:

– У вашего сына, юзбаши, изысканная речь. Я буду рада, если он станет служить мне. Пусть будет так!

– Благодарю, госпожа. Отныне мы ваши вечные рабы! – Почтительно поклонился Турьиш.

– Встретимся позже, – шепнула она, едва шевеля губами. Гаухаршад улыбнулась, она ожидала восторженного блеска в глазах мужчины, но увидела взгляд полный смятения.

– Всевышний уже спас нас, повелительница, – отвечал он. – Я более не позволю Иблису искушать меня.

Часть II

Глава 1

За окном слышалась неумолчная песнь дрозда. И трели эти, а следом за ними и голос муэдзина, который ворвался в покои вместе с певучим азаном, разбудили Гаухаршад. Девушка потянулась в своей постели, обвела недоумённым взглядом комнату. За многие дни путешествия ей пришлось ночевать в караван-сараях, домах аульных баев, а несколько раз прямо в кибитке. Когда их путь лежал по рекам, ханбика засыпала в походном шатре, раскиданном на большом струге. И она до сих пор помнила, как в разыгравшийся шторм страшно хлопали над головой туго натянутые полотнища. А сейчас её взор скользил по сводчатому потолку, расписанному голубыми и зелёными узорами, по прозрачному муслину, спадающему красивыми складками вокруг её ложа. Она откинула стёганое шёлковое покрывало и опустила ноги на пол. Вездесущая Жиханара мгновенно появилась перед ней, видимо, дожидалась пробуждения своей госпожи неподалёку. Рыхлое, блестящее от пота лицо няньки и её бесконечные поучения опротивели ханбике, и она уже не могла видеть перед собой старую прислужницу.

Пробудившись окончательно, Гаухаршад вспомнила всё. Вчера вечером она прибыла в Казань и сейчас находилась в дворцовых покоях повелителя. Эти комнаты отныне принадлежали ей как единственной сестре хана Абдул-Латыфа. Здесь она была хозяйкой и ещё вчера, засыпая, поклялась, что поменяет всех слуг, напоминавших ей о ненавистном Крыме. В первую очередь ей не терпелось отправить в отставку Жиханару. Гаухаршад давно уже перестала нуждаться в няньке, а старуха всё пыталась поучать её – высокородную ханбику.

– Час молитвы настал, госпожа, – возвестила Жиханара. Она величественным жестом подозвала невольниц, принёсших чеканный кумган, серебряный тазик и расшитое полотенце.

Гаухаршад выпятила нижнюю губку, приготовилась поперечить няньке, но не осмелилась отказаться от молитвы. Ханбика благополучно достигла цели своего долгого путешествия и не могла не возблагодарить за это Всевышнего. Ритуальное омовение и молитва заняли не более получаса.

Ханская дочь подошла к овальному зеркалу, но плеск воды, раздавшийся сквозь неплотно прикрытые створки дверей, привлёк её внимание. Она толкнула резное дерево и восхищённо ахнула, сразу за её покоями располагался небольшой, но восхитительный садик. Его украшал маленький фонтан, облицованный чёрным мрамором, в прозрачных струях плавали рыбки, лениво шевелили золотыми плавниками и хвостами, напоминавшими роскошное павлинье оперение. Прекрасные лилии раскинули на поверхности воды свои крупные белоснежные лепестки, а в центре фонтана каменный цветок выбрасывал вверх кристальные струи, которые сверкали в робких лучах солнца. Воздух был необычайно свеж и наполнен благоуханием. В этом маленьком садике она насчитала несколько видов роз, лилий, анемонов, жасминов. Как маленький ребёнок, Гаухаршад захлопала в ладоши. «Это будет моим Пристанищем Любви, – тут же решила она. – И ничто не помешает мне! Остались позади нравоучения няньки, осуждающие взгляды крымских ханш! Здесь я сама себе хозяйка!»

Девушка рассмеялась, окинула победным взглядом сгрудившихся в дверях прислужниц. Среди них наверняка есть наушницы матери, те, кто будет докладывать в Крым великой валиде о каждом шаге её дочери. Но она прогонит их всех и попросит у брата новых рабынь. Женская половина дворца пустовала. Молодой хан ещё не был женат, а его наложницы не осмеливались показываться на верхнем этаже гарема, и теперь здесь будет царить она.

– Вам нечем заняться, бездельницы? – строго прикрикнула ханбика. – Разложите мои одежды, в этих сундуках всё пропахло сыростью!

Гаухаршад вернулась назад, в покои, опустилась в широкое кресло. Она сидела, сурово сдвинув брови, хотя душа и пела от восторга, но прислужницам, преданным её матери, своей радости показывать не хотела. Невольницы облачили её в ярко-зелёный кулмэк из тонкого муслина, а поверх надели тёмно-шафрановый казакин, расшитый серебряным шитьём. Жиханара с благоговением открывала ларцы с драгоценностями, предлагала то одно, то другое. Гаухаршад едва поводила насурьмлёнными глазами, казалось, ей было всё равно, какие драгоценности украсят нынче казанскую ханбику. Она всё же выбрала самые дорогие и роскошные серьги, подвески, а ещё украшения для кос и яркий калфак. Гаухаршад порадовалась тому, что строгая чадра осталась для неё в прошлом. В Казанском ханстве женщинам было достаточно покрывала, прикрывавшего нижнюю часть лица. Сестре повелителя приглянулось самое тонкое и прозрачное, почти не скрывавшее её черт. Полюбовавшись на себя в зеркало, госпожа обернулась к прислужницам. Под руководством Жиханары они уже накрывали столик для лёгкого завтрака.

– Оставьте это, – нетерпеливо промолвила Гаухаршад. – Пригласите ко мне начальника охраны. Я должна дать ему особые распоряжения.

Служанки во главе с Жиханарой с поклонами удалились из покоев, а Гаухаршад устроилась на низком диване, обитом золотой парчой. Она нетерпеливо постукивала по пёстрому ковру мягкой туфлём, ждала, когда распахнётся дверь и перед её взором предстанет Турыиш.

Никому, даже самой себе, она не могла признаться, какие отношения связывали её с молчаливым военачальником, от которого так и веяло силой и мужественностью. Юной ханбике не забылась та волшебная ночь, когда она наслаждалась страстными объятиями и поцелуями юзбаши. Он умел быть совсем другим, не суровым воином, а нежным возлюбленным с пылкими речами на устах и горящим взором. Гаухаршад откинулась на резную спинку, сладкая истома разливалась по телу, словно она предчувствовала ожидавшее её наслаждение. Улыбка застыла на разомкнутых губах. С этой улыбкой она и встретила начальника охраны, который склонился перед ней, ожидая приказов.

– Мы одни, Турыиш, – тихо сказала она. – Не трать убегающие мгновения на изъявления уважения и покорности. Лучше поспеши сказать, как ты любишь свою ханбику. Иди же сюда!

Она откинула прочь муслиновое покрывало, открывая горевшее любовной негой лицо, и поднялась ему навстречу:

– Я не могу принимать пищи, не в силах пригубить живительной влаги. Не могу ни спать, ни видеть чужие мне лица, пока не услышу слова любви от тебя. Хочу любоваться губами, произносящими признание, хочу испить твои слова...

– Госпожа, – сдавленный глухой голос юзбаши остановил её горячий порыв. Гаухаршад с недоумением заглянула в глаза мужчины, стоявшего перед ней. В них не было равнодушия и презрения, которые однажды она прочла во взгляде солтана Мухаммад-Гирея, в этих глазах металась отчаянная мольба.

– Это безумие, госпожа моя. Я молю Аллаха, дабы дал он нам твёрдости и мудрости! То, что случилось когда-то, не должно повториться. Забудьте о моих словах, забудьте всё недостойное, что связывало нас!

– Забыть?! – Гаухаршад едва перевела дух. Невыносимая боль унижения, муки которой она уже стала забывать, с новой силой обрушилась на неё. «Как это могло случиться? – раненой птицей металась в голове разрозненные мысли. – Отчего все мужчины отвергают меня, почему бегут прочь, как от прокажённой? Я знала женщин старых и уродливых, но познавших в своей жизни любовь и ласки мужчин. Тысячи людей в этом мире смотрят с вожделением друг на друга! Но стоит мне выбрать мужчину для себя, как он отвергает меня! Моими чувствами пренебрёг самый красивый, первейший вельможа Крыма, и я пережила этот позор. Но сейчас! Быть отвергнутой своим подданным? Никогда! Да он – ничтожество, недостойное лобзать пыль у моих ног! Как мне пережить это унижение, как забыть этот позор?!»

А разочарование уже сменялось гневом. Ярость чёрной волной подымалась в душе, готовая обрушиться со всей своей ужасающей силой на дерзкого сотника. Она больше не желала слушать его объяснений. Что ей почтительные слова, которые он облачил в одежды оправданий и извинений! Он не был так прям, как калга-солтан Мухаммад, но лишь потому, что она его госпожа, повелительница, от которой зависит его жизнь и благополучие.

Гаухаршад отступила на шаг от мужчины, застывшего, словно каменное изваяние, резко вскинула голову:

– Охрана!

Ледяным взором она следила за побледневшим Турыишем. В голове её зрели мстительные мысли: «Я добьюсь для него казни! О! Нет! Он не умрёт так просто! Прежде я велю предать его пыткам в зиндане, поставлю его к столбу наказаний!»

Вбежавшие на её зов мангыты остановились в ожидании приказа.

– Юзбаши оскорбил вашу госпожу! Повелеваю бросить его в зиндан до моих особых указаний!

Стражи с удивлением воззрились на своего начальника. Видя их нерешительность, ханбика возвысила голос:

– Я приказываю вам!

– Внимание и повиновение! – отозвался старший из воинов.

Турыиш медленно повернулся к ним. Пока телохранители скручивали ему руки и связывали их кожаной верёвкой, он оставался безучастным, и лишь когда его толкнули к выходу, оглянулся на госпожу. Гаухаршад в оцепенении глядела на захлопнувшиеся створки дверей. Она достойно отомстила Турыишу, который дерзнул презреть её чувства, но отчего сердце снова переполнилось болью? Отчего всё ещё виделся его печальный взгляд? Что было в этих миндалевидных глазах? Она знала точно: не ненависть и даже не страх, а нечто иное, что мучило и терзало её все последующие дни.

Глава 2

Молодой повелитель третий день проводил в пирах и развлечениях. Он спешил познакомиться свою высокородную сестру с казанским двором, первыми вельможами. Хотел показать ей силу братской любви, доброжелательности и благосклонности. В этом ханстве, которым он правил около полугода, Абдул-Латыф чувствовал себя чужеродным осколком, закинутым судьбой в непривычную для него среду. Его правление более напоминало лицедейство тряпичной куклы в руках ловких царедворцев, и ощущение бессилия и неудовлетворённости нынешним положением не покидало хана. Воспитанный при дворе крымского калга-солтана, он перенял от своего старшего покровителя вспыльчивый и нетерпимый нрав, стремление к власти и неуёмную тягу к битвам. В Казани Абдул-Латыф ощутил себя безмолвным челном на мутной тихой воде, челном, управляемым опытной и властной рукой улу-карачи Кель-Ахмеда. Подозрительный от природы, хан имел мало друзей и с болью ощущал своё одиночество в уделе, некогда управляемым могущественным отцом.

Приезд сестры заметно оживил деятельность повелителя. Вместе с Гаухаршад они провели детство в Крыму, и она показалась той ниточкой, что соединяла Абдул-Латыфа с прежней жизнью. Хан был счастлив оттого, что сестра восседала рядом с ним на троне, и уже не чувствовал такого острого одиночества.

Абдул-Латыф склонился к ханбике, которая с восторженным интересом следила за представлением индийского факира:

– Обрати внимание, Гаухаршад, по правую руку от нас, рядом с ширинским эмиром, восседают юноша в парчовом тюрбане.

– О, я вижу, – с лукавой улыбкой отвечала ханбика. – В его тюрбане сияет великолепный смарагд³¹. Я затрудняюсь даже приблизительно назвать его цену. Я всегда любила смарагды, ведь эти камни великолепны! Они не меняются ни на солнце, ни в тени, ни при свете светильников. Взгляните, мой царственный брат, как он превосходен, как блестящ!

Молодой хан невольно рассмеялся:

– Не знай я твою истинную любовь к камням, моя маленькая Гаухаршад, решил бы, что все сказанные слова по праву относятся к счастливому обладателю этой драгоценности.

– Вы говорите об этом юнце? – Ханская дочь презрительно изогнула брови. – Не вижу в нём ничего замечательного!

– А ты лукавишь! – Абдул-Латыф вновь добродушно рассмеялся. – Мурза Булат очень красив, а возраст – не помеха его силе. Я видел мурзу в состязаниях лучников и на конном ристалище. Поверь, мало кто сравнится с ним. К тому же он из рода Ширинов, старший внук нашего уважаемого улу-карачи.

– Избавьте мой слух от рассказов о вашем ширинском мурзе, – строптиво промолвила Гаухаршад. – К чему ваши речи?

– К тому, моя дорогая сестра, что когда-нибудь благосклонная судьба возведёт Булат-Ширина на пост улу-карачи. Он станет первым среди вельмож этих земель. И мне известно, что юный мурза ещё не изведал супружеских уз. Ты могла бы стать его женой, высокородная ханбика.

– Избавь меня Аллах от такой участи! – с неподдельным страхом воскликнула девушка.

– Гаухаршад! – Молодой хан с недоумением наблюдал за переменявшейся в лице сестрой. – Ты словно змею перед собой увидела! В твоём возрасте не стоит так относиться к браку. Для мусульманской девушки неприлично не иметь мужа. Я выбрал тебе Булат-Ширина, и он – лучший, кто достоин быть мужем моей сестры.

³¹ Смарагд – изумруд.

– Вы выбрали мне его? – Гаухаршад рассерженной рысью подскочила с места. Не обращая внимания на поворачивающиеся в их сторону лица, жёстко бросила: – Я не желаю, чтобы моей жизнью управлял мужчина. Не пойду замуж, даже если сам Пророк выберет мне супруга. Оставьте меня со своими глупостями, Абдул-Латыф!

В Пиршественной зале воцарилась внезапная тишина. Молодой хан густо покраснел. Придворные отводили глаза. Кто-то попытался разрядить обстановку, дав знак музыкантам, но те с перепугу заиграли что-то несурзное, каждый на свой лад, и стихли, опустив свои инструменты.

Старый эмир Кель-Ахмед Ширинский с интересом наблюдал за насупившейся ханбикой.

– В жизни своей не видел столь своенравной девчонки. Поистине, укрощать эту дикую кобылицу одно удовольствие, – прошептал он на ухо любимому внуку Булат-Ширину.

Юноша склонил голову, но глаза его, с неприязнью глядевшие на сестру повелителя, сверкнули несогласием. Взгляд этот поймала и ханбика. Она вспыхнула как порох, прикусила губу. Юноша и в самом деле был красив и знатен. Но что за брак ждал её с этим красавцем, Гаухаршад предвидела так ясно, словно глядела в прозрачное зеркало жизни. Ширинский мурза будет посещать её ложе время от времени, когда ему захочется занять наследника, а все остальные ночи проведёт в объятьях соблазнительных наложниц. Возможно, она сможет добиться права быть единственной женой из-за принадлежности к высокому роду, но какие преимущества получит? Супруг будет дарить ей моменты близости по обязанности, которая будет тяготить его. Вот что её ожидает: участь забытой женщины, которую будут выставлять напоказ знатым гостям, как очень дорогой, но неудобный кубок, из которого никому не придёт в голову испить вина. Что бы ни делал её брат, она не сдастся и не позволит соединить себя узами брака с этим вельможным красавцем!

Гаухаршад низко склонилась перед ханом, стараясь перед лицом казанских вельмож оказать брату как можно больше почтения:

– Простите, повелитель, мою вспыльчивость, должно быть, я ещё не пришла в себя от тягот дороги. Умоляю вас, позвольте покинуть этот прекрасный пир и удалиться в свои покои.

Слова девушки были полны смирения и раскаяния, но в глазах, которые она подняла на брата, мелькнула воинственная искорка. Внешне она будет покорна, но не покорится никогда! Вызов брошен! И Абдул-Латыф увидел этот вызов и принял его, хотя ответные слова его были доброжелательны:

– Ступай, сестра, пусть Аллах пребудет с тобой.

Он повернулся к главному распорядителю праздника, приказал:

– Музыку и танцовщиц!

В зале все зашевелились, громко заговорили. Заиграла музыка, и гурии в развевающихся одеждах цветным вихрем ворвались в очерченный роскошным ковром круг.

С утра Гаухаршад отправилась на прогулку на красивейший, простёршийся до самого Итиля луг, который в народе прозвали Ханским. Поехала не в роскошной кибитке, не со свитой щебечущих служанок и не в окружении тучных нянек с постными лицами. Она пожелала вскочить на горячего скакуна, а тот уже перебирал точёными ногами и косил на новую хозяйку лиловым глазом. Ханбика промчалась через весь город, погоняя аргмака и не замечая простолудинов, с криками и воплями разбегавшихся по сторонам. За ней промчался и её ногайский отряд – охрана, прибывшая с сиятельной госпожой из Крыма. Охрану нынче возглавлял Хьяли-баши, и он кичился новым высоким положением. Мангыт сменил овчины на новый, тёмно-вишнёвого бархата казакин, а на голове вместо неизменного лисьего малахая красовался невысокий тюрбан с дорогим пером белоснежной цапли. Рядом с новым начальником охраны мчался Геворг. Лицо сына Турьиша было мрачным, а взгляд пронзительно-чёрных

глаз – полон печали. Все знали, как горюет сын об участи отца, и потому не приставали к нему с расспросами.

На лугу ханбика пожелала устроить скачки. Она сняла со своего нарядного пояса кошель с монетами и объявила громко:

– Дарю победителю!

Воины за честь показать свою удаль боролись с ожесточением. Гаухаршад с восторгом хлопала в ладоши, радовалась увлекательной забаве. В битву на ристалище не вступил лишь Хыяли, он зорко оглядывал открытое пространство луга. Геворг тоже не принял участие в состязании, сошёл со своего жеребца и с равнодушием взирал на соратников по оружию. Ханбика, хоть и следила с азартом за устроенными для неё скачками, всё же бросала неприметно взгляд на черноглазого юношу. Сын Турьиша ничем не напоминал отца, и красив он был иной, нездешней красотой. Глаза большие, иссиня-чёрные в пушистом обрамлении длинных, как у девушки, ресниц. Черты лица тонкие, не широкие, как у кочевников. И волосы не обриты, а свободно падают на плечи чёрными, шелковистыми локонами. Юноша ей нравился, и Гаухаршад внезапно решила приблизить к себе телохранителя, чьего отца ещё вчера обрекла на заточение в зиндане.

Вскоре на ристалище обнаружился победитель. Ханская дочь вручила мангыту кошель с монетами и снисходительно улыбнулась восторженным, диким крикам воинов. Пока телохранители, спешившись, собрались в круг и принялись наблюдать за счастливецом, пересчитывающим монеты, Гаухаршад жестом подозвала Хыяли. Приказ госпожи был произнесён голосом, не терпящим возражения:

– Желаю беседовать с вашим племянником, юзбаши. Мы отъедем к реке, не хочу, чтобы наши слова касались уха того, кому они не предназначены.

– Как прикажете, светлейшая госпожа. – Хыяли поклонился и бросил на Геворга встревоженный взгляд.

Служить юной ханбике оказалось не так-то и легко. Вчера она едва не лишила головы Турьиша, и неизвестно, не последует ли вслед за отцом его любимый воспитанник. Хотелось подъехать к племяннику и шепнуть ему напутствие, но госпожа уже отдала приказ, и Геворг вскочил на коня.

Гаухаршад остановилась около живописных холмов на расстоянии двух полётов стрелы от шумно гомонившей охраны. Она протянула руку к Геворгу и бросила капризно:

– Помогите же сойти!

Юноша поспешно кинулся к ней, обхватил обеими руками талию девушки и вдруг смутился. Пряча глаза, он опустил госпожу на землю, торопливо спрятал свои большие ладони за спину. Она улыбнулась ласково, заманчиво. Вуаль из тонкого, прозрачного муслина почти не скрывала её черт, глаза блестели, пожирали жадным взором красивое лицо юноши. «А каковы его губы на вкус? – вдруг подумала ханбика. – Наверно, такому же красавцу посвятила свои страстные речи влюблённая Зулейха».

Строки величайшей из поэм Востока³² сами собой полились из её уст:

Кем создан ты, о чудо из чудес,
Венец красы земной, красы небес?
Мою тоску и скорбь развеяй беседой,
Страны твоей названье мне поведай...

Она очнулась, когда юноша, безмолвно внимавший стихам, опустился вдруг на колени:
– Госпожа моя, прекраснейшая из женщин, достоин ли я ваших речей?

³² Поэма «Юсуф и Зулейха». Перевод С. Липкина.

Она засмеялась недоверчиво, а он уже приник жаркими устами к её рукам, и Гаухаршад поразила необузданности сына Турьиша. «Где рос этот дикарь? – подумала ханбика. – Он принял слова поэмы на свой счёт. Если ему не ведомы жемчужины великих творцов слова, то почему бы мне не воспользоваться этим?» Гаухаршад окунула пальцы в манившие её локоны юноши, но на ощупь они оказались не так шелковисты и мягки, как казались на первый взгляд. Ах, если бы не сын, а отец его стоял сейчас перед ней на коленях, как счастлива была б она тогда!

Глава 3

Гаухаршад отправилась в сад, как только её новый начальник охраны доложил, что все приготовления к наказанию Турьиша окончены. На особой площадке меж двух столбов его подвесили за руки. Слепящее солнце мешало ей смотреть, и ханбика шурилась и отводила глаза. Она скрылась от палящих лучей под защиту навеса, где для ханбики было устроено широкое низкое кресло. Мужчина же продолжал оставаться под солнцем, и ей было видно, как по напряжённому, обнажённому торсу его сбегали тёмные струйки пота. Гаухаршад хотелось казаться равнодушной, но сердце её при виде Турьиша сжалось, к горлу подступил комок, и она никак не могла вытолкнуть его и отдать приказание к началу бичевания. Наконец госпожа поймала на себе недоумённые взгляды воинов и махнула рукой. По саду прокатился рокот барабана. Палач повелителя подошёл к корытцу, где были сложены вымоченные в солёном растворе кожаные плети. Он поднял одну из плетей, взял другую, взвешивая их тяжесть в руках, но отдал предпочтение первой. У Гаухаршад пересохло во рту, она поддалась вперёд, не в силах уже казаться надменной и безразличной. Плеть взвилась в воздухе и со свистом обвилась вокруг человеческого тела, в мгновение ока вытянув взбухающий, кровавый след.

– Ах! – Ханбика зажала рвущийся изо рта крик, зажмурила глаза, но ужасающие, свистящие звуки проникали в её уши, рвали на части перепонки. Она ждала крика или стона, срывающегося с губ Турьиша, но юзбаши молчал. Гаухаршад раскрыла глаза и увидела побелевшее от боли лицо, мужчина до крови закусил губы, но стоны так и не являлись из его груди. Спина сотника превратилась в одну разверстую рану, и ханбика вскинула руку резко и требовательно:

– Достаточно!

Палач поклонился с почтением:

– Ещё десять плетей, пресветлая госпожа. Я не завершил своего дела.

– Приказываю прекратить наказание! – сквозь стиснутые зубы зло выкрикнула она. – Или ты желаешь сам оказаться у столба, ничтожный раб?!

У палача округлились глаза, и он, более не возражая, торопливо отступил в тень деревьев. Из рядов телохранителей выскочил Геворг, кинулся к наказанному:

– Отец!

Но его неосторожные движения причинили юзбаши такую боль, что мужчина, стойко выдержавший экзекуцию, потерял сознание. Гаухаршад сорвалась с места, она не помнила о чужих глазах и ханском достоинстве:

– Где табиб³³?! Что вы топчетесь, как стадо баранов, снимите же его!

Досадливым жестом она отогнала всех, кто толпился над бесчувственным телом, опустилась на колени. Турьиш открыл замутнённые болью глаза, окровавленные, растрескавшиеся губы дрогнули в улыбке:

– Госпожа моя...

Ханбика поднялась, строго оглядела мангытов:

– Передайте моё приказание управителю дворца: желаю, чтобы юзбаши поместили в свободную комнату на втором этаже.

– Может, лучше отвезти отца домой? – робко вмешался Геворг.

Она полоснула юношу гневным взглядом:

– Я не меняю своих приказов!

Гаухаршад отвернулась резко, зазвенев бесчисленными драгоценностями, и отправилась во дворец. Ханская дочь шла с гордо вскинутой головой, а сердце её рвалось назад, к истер-

³³ Табиб – доктор.

занному мужчине, которого неведомо когда полюбила со всей горячностью юной души и с кем не желала расставаться ни на мгновение.

Ворвавшись в покои, Гаухаршад приказала всем удалиться. Она заложила на засов резные дверцы и кинулась ничком на постель. Слёзы ручьём потекли по щекам, она плакала, размазывая сурьму по щекам, и тихонько причитала:

– О я глупая, ничтожная рабыня своих чувств. Ещё вчера я желала долгой и мучительной смерти этому человеку, а сегодня готова молить его о прощении. Как слаба моя плоть, она предаёт меня всякий раз, когда я должна быть тверда в своих решениях! Не минуло и года, как я поклялась себе никогда не любить мужчин, а ныне влюблена в своего слугу. О Всемогущий Аллах, почему ты допустил это безумие, почему не сотворил меня слепой и бездушной? Почему ты не дал мне счастье родиться мужчиной, ведь сердца их полны льда и холода равнодушия? О, почему?!

Слёзы стали щипать её щёки, только тогда ханбика сердито отёрла глаза и, подобрав ноги под себя, уселась на постели. Но глаза её не замечали роскошного убранства покоев, они видели картины недавнего наказания Турьиша, а следом возник образ черноглазого юноши, его сына. «Я заставлю юзбаши ревновать, – внезапно решила Гаухаршад. – Если Турьиш – истинный мужчина, он не вынесет вида своего влюблённого сына. А Геворг почти влюблён, как он вчера смотрел на меня! Этот юноша ослеплён моим высоким положением, и я не упущу возможности подразнить его отца, пусть он только поднимется на ноги...»

Окончательно успокоившись, Гаухаршад подошла к зеркалу и ужаснулась своему распухшему и перемазанному в сурьме и белилах лицу.

– Помилуй меня Аллах, чтобы достойно выглядеть на сегодняшнем приёме, придётся полдня провести в банях!

А приём в этот вечер хан Абдул-Латыф устраивал ради своей сестры. Ханбика и не ведала, что между её братом и крымской валиде Нурсолтан шла оживлённая переписка. Мать беспокоилась о судьбе младшей дочери и молила любимого сына об одном: как можно скорее устроить судьбу Гаухаршад. «Век юной девушки короток, – писала валиде. – Гаухаршад уже минуло семнадцать, и завтра могут сказать, что она – плод с червоточинкой! В глазах людей не будет иного объяснения затянувшемуся девичеству высокородной ханбики. Вы избрали моей дочери достойного жениха. Ширинский мурза, чей жизненный путь лежит к вершинам власти, станет хорошим супругом вашей сестре. И во всём остальном я полагаюсь на вас, мой дорогой Сатыйк³⁴. Шлю вам приветы и многочисленные пожелания процветания и благополучия, во имя Аллаха Всемилостивейшего...»

В своём роскошном дворце старый эмир Кель-Ахмед ожидал старшего внука. Мурза Булат-Ширин прибыл из загородного имения с нукерами, такими же молодыми и отчаянными, как и он сам. Кель-Ахмед наблюдал за его приездом из приоткрытого окна и по-стариковски гордился любимым внуком. Булат-Ширину едва исполнилось восемнадцать лет. Был он красив, как многие мужчины их рода, но мурза Булат превосходил многих. Не только взгляды восхищённых женщин, но и взоры мужей влекли к себе его овальное смуглое лицо, высокий лоб, прекрасно вылепленные скулы и твёрдый мужской подбородок, свидетельствующий о силе духа. Несмотря на юный возраст, подбородок и красиво очерченные губы мурзы уже окаймляли изящная борода и тонкая линия усов. Уверенный, властный взгляд серых глаз манил к себе женщин подобно магниту.

Улу-карачи усмехнулся, вспомнил, как вздыхали наложницы в его собственном гареме, ожидая, кого из них пошлёт благородный эмир на ложе к юному мурзе. Ныне Булат-Ширин познал достаточно женской ласки и теперь его ожидал серьёзный шаг: женитьба. Могуществен-

³⁴ Сатыйк – так ласкательно называла валиде Нурсолтан своего младшего сына в известной историкам переписке с Иваном III.

ного Кель-Ахмеда устраивал брак, предложенный его внуку Абдул-Латыфом. Единственная сестра правящего повелителя, дочь хана Ибрагима, была поистине великолепной партией для ширинского мурзы. Что с того, что девушка не так уж красива, как её блистательная, непревзойдённая мать, да и характер у ханбики – не мёд! Пусть она будет крива и коса на один глаз, но род Ширинов соединится с кровью Улу-Мухаммада! Так решил он, улу-карачи Казанского ханства.

Булат-Ширин вошёл в приёмную эмира, нарушив ход мыслей вельможи. Кель-Ахмед поспешил навстречу внуку, обнял его:

– Рад видеть тебя, мурза, просторы аулов идут на пользу, ты мужаешь на глазах!

Кель-Ахмед с одобрением огладил широкие плечи юноши, ощутил даже под парчой казакина тугие бугры мышц.

– Сегодня тебе предстоит нелёгкая задача, мой дорогой, укротить одну дикую лошадку и сделать её мягкой и податливой.

– Речь о светлейшей ханбике? – насмешливо спросил мурза.

– Ты всегда был догадлив, мой дорогой Булат! – Эмир с любовью смотрел на внука. «Слава Аллаху, что он даровал мне такого разумного преемника. Отец Булата, Шах-Юсуп, не годится ни для жарких битв, ни для государственных дел. Уродился он увальнем, любящим возлежать на подушках да объедаться жирным пловом. Одному Всевышнему известно, как у такого недостойного отца родился столь великолепный сын!»

– Поспешим же ко двору, отрада моей жизни, повелителю не нравится, когда его подданные опаздывают к началу приёма. И не забывай, о чём я тебя попросил, хан обещал устроить тебе нечаянную встречу с Гаухаршад в саду.

– Слушаю и повинуюсь, мой господин. – Булат-Ширин почтительно приложил руки к груди.

Высокородный дед не заметил волчьего огонька, сверкнувшего в глазах внука, не слышал злой иронии в словах. Капризная и невоспитанная ханбика не привлекала мурзу, и ему совсем не хотелось влюблять в себя девушку, внешность которой не зажигала в нём страстных чувств. Но его дед был прав: сестра повелителя – хорошая партия для наследника рода Ширинов. В своё время даже великий Тимур-Аксак³⁵ женился на дочери золотоордынского хана Казана – Сарай-Мульк. Не посмотрел, что она вдова эмира Хусейна, убитого по его же приказу, женился и стал через неё зваться гурганом – зятем великого хана. А по преданиям было известно, что ханша Сарай-Мульк красотой не блистала и в любимых жёнах никогда не ходила, но всегда почиталась своим грозным мужем. Вот так поступит он и с ханбикой Гаухаршад. Она принесёт ему высокое положение, а он ей – уважение как первой жене. А уж что касается страстных наслаждений, о том позаботятся прекрасные девы, которыми после женитьбы наполнится его гарем.

³⁵ Тимур-Аксак (Тимур-Ленг) – Тимур-Хромец, Тамерлан. Завоеватель, в XIV веке покоривший многие земли, принадлежавшие Золотой Орде, а также Индию, Персию и Иран.

Глава 4

Гаухаршад на ханском приёме откровенно скучала. Не ублажили её взора искусные танцовщицы, не задели душу сладкоголосые певцы. Не зажёл ответного огня седобородый сказитель, который нараспев читал старинные байты. В задумчивости ханбика обрывала лепестки пышной розы, невесть откуда появившейся в руках, и томилась ожиданием, когда же высокородный брат отпустит её. Гаухаршад хотелось как можно скорей навестить юзбаши Турыиша. Управитель дворца доложил, что бывшего начальника охраны устроили в комнатах евнухов, как она того пожелала. А помещения эти находились в одном крыле с её покоем.

– Сестра, отчего вы так печальны сегодня? – Абдул-Латыф дотронулся до рукава её вышитого золотом кулмэка.

Она встрепелась, вскинула на молодого хана заблестевшие притворной слезой глаза:

– Байты растрогали меня, дорогой брат. Я чувствую, сердце слабеет и голова кружится, позвольте же мне удалиться.

– Боюсь, в душных покоях вам станет только хуже. – Повелитель хлопнул в ладоши, призывая управителя дворца. – Прикажите зажечь в саду фонари, госпожа желает прогуляться по свежему воздуху.

Гаухаршад от досады прикусила губу и подумала: «Хорошо, что я скрыла лицо под накидкой, и брат не видит моего возмущения». Однако ханбике пришлось и дальше играть свою роль, она с трудом поднялась и с помощью услужливых невольниц направилась к внутреннему дворику, ведущему в сад.

В сумерках вдоль длинной извилистой дорожки, посыпанной песком, один за другим зажигались фонари. Они, словно светлячки, вспыхивали в сгущающейся тьме, но Гаухаршад, досадуя на то, что ей не удалось вырваться к Турыишу, не замечала этой красоты. Прислужницы привели её к ажурной беседке, увитой лианами. Оттоманка, обложенная алыми подушечками, уже ожидала госпожу. Ханбика с неохотой устроилась на ней, подобрав под себя ноги. Парчовые туфли на мягкой подошве соскользнули с ног, открыв босые ступни. Гаухаршад вздохнула и оглядела беседку, она размышляла, как много времени ей следует провести здесь, не вводя брата в излишние подозрения. Невольница с томным взглядом больших глаз поднесла сестре повелителя чашечку с гранатовым шербетом. Вид красивых прислужниц всегда раздражал Гаухаршад, и в этот раз ханбика прикрикнула с неприязнью:

– Удалитесь все прочь, хочу побыть одна!

Невольницы поспешили по садовой дорожке и уже во внутреннем дворике встретили ширинского мурзу. Девушки склонили свои спины, но мурза успел разглядеть ту, чей поклон был изящней всего, и лицом она удалась, и стройным станом. Юный вельможа поманил её к себе пальцем, украшенным массивным перстнем с огромным яхонтом. Прислужница, которую прогнала ханбика, приблизилась к Булат-Ширину и опустила голову, настороженная, словно натянутая стрела. Мурза заставил её взглянуть на себя, приласкал остренький подбородок, тёплые, зарумянившиеся щёчки:

– Что за розы водятся в саду повелителя. Не дай мне Всевышний ослепнуть от такой красоты! А где твоя госпожа, услада глаз моих?

Невольница от ласки мурзы, от его манящих слов зарделась ещё больше, кокетливо улыбнулась и указала рукой в сторону беседки:

– Она здесь недалеко, господин, если позволите, я вас провожу.

Глаза Булат-Ширин свертнулись. Он подумал с озорством: «Неплохо оказаться наедине с этой красивой девчонкой. Здесь полно уголков, словно созданных для любовных утех». Мысли пронеслись в голове и исчезли. Не для того повелитель подстроил эту встречу, и не того сейчас

ожидает от него высокочтимый дед. Вздохнув, мурза отказался от услуг невольницы и отправился один. Освещённая дорожка указывала ему путь.

А ханбика мечтала о прикосновениях Турыиша. Откинувшись на подушечки, она закрыла глаза и томилась под невидимыми поцелуями: «Где ты, любимый? Я жажду вновь изведать вкус твоих губ, услышать пылкость речей. Твой сын – красив, но красота его не задевает моё сердце, не воспламеняет его так, как твой взгляд».

Булат-Ширин бесшумно вошёл в беседку и старался не дышать, пока разглядывал дремавшую девушку. Сейчас без привычного покрывала при свете фонарей, освещающих беседку, он хорошо рассмотрел скуластое лицо с густыми, сросшимися на переносице бровями и широким подбородком, который изобличал упрямство его владелицы. Мурза неслышно присел на корточки. Свежие губы девушки раскрылись в томной неге, они, казалось, жаждали поцелуя, и наследник Ширинов, уже возомнивший себя победителем, коснулся их лёгким поцелуем. Губы ханбики оказались терпко-сладкими на вкус, девушка внезапно ответила ему, и он уже со всей смелостью подложил властную руку под её затылок. Они оба наслаждались всепоглощающим поцелуем, пока мурза не попытался прижать девушку к себе. Гаухаршад распахнула глаза, вскрикнула и оттолкнула его.

– Как вы посмели, бесстыдник?! В здравом ли вы уме или лишились рассудка?

– О моя пери, а разве вы не блаженствовали вместе со мной, когда я похищал поцелуй с ваших губ? – Булат-Ширин поднялся в полный рост. Он с трудом скрывал насмешку, разглядывая ханскую дочь. «Девушка и в самом деле не красавица, но её высокий род затмит всё!» Он подметил, что ему было приятно целовать её, но непритворное возмущение Гаухаршад задевало мурзу. Девушки всегда таяли от его ласк, чего же ханбика так сердито хмурит брови?

– Мы уже почти соединены Всевышним, прекрасная госпожа, – Булат-Ширин придал своему голосу как можно более страсти, а взору – огня. – Ваше смущение вам к лицу, но раз испробовав нектара ваших губ, я не в силах остановиться.

Мурза шагнул к девушке, он легко сломил её сопротивление, запрокинул голову Гаухаршад, уронив калфак. Булат-Ширин не обращал внимания на девичьи кулачки, молотившие его широкую спину, он словно хищник впивался в непокорные губы. Его прикосновения были далеко не нежными и ласковыми, а жёсткие руки словно стягивали ханбику верёвками, вторили его мыслям: «Покорись! Никто не смеет противиться мне! Покорись!»

Она вырвалась, отшатнулась от мурзы и с размаху ударила его по щеке:

– Мерзкий паук! Недостойный плебей! Убирайся с моих глаз, пока я не призвала охрану!

Он с недоумением прижал ладонь к горевшей щеке.

– Ханбика, вы ударили своего будущего мужа и господина.

– Никогда не бывать нашему браку! – взвизгнула она. – Прежде земля столкнётся с небом и ад смешается с раем!

Булат благоразумно отступил от разъярённой фурии, осторожно нащупал ногой ступеньку, но взгляда от раскрасневшейся девушки не отводил:

– Все мы в воле Аллаха Всемогущего, я припомню ваши слова, ханбика, когда взойду на наше брачное ложе.

Песок дорожки уже заскрипел под ногами удалявшегося Булат-Ширина, а разгневанная Гаухаршад всё не могла остановиться. Она схватила кувшин из великолепного фарфора и с размаху швырнула его в решётчатую стенку беседки. Сосуд со звоном развалился на части, выплеснув на ханбику густые, тёмно-вишнёвые потоки гранатового шербета. Внезапно затихнув, она с недоумением оглядела свой испорченный наряд и, сев на устланный ковром пол, расплакалась.

А наутро у неё состоялся неприятный разговор с братом.

– Ты выйдешь замуж за мурзу Булат-Ширина, таково моё решение! – сурово произнёс Абдул-Латыф. Он не сводил строгого взора с поникшей сестры. – Твоего согласия никто не

спрашивает, отправляйся в свои комнаты и оставайся в них до того дня, пока я не назначу церемонию бракосочетания.

– Но повелитель, высокочтимый брат мой! – Гаухаршад вскинула на него полные слёз глаза. – Я не желаю быть женой ширинского мурзы. Прошу вас о милости: позвольте мне остаться подле вас, я не хочу быть ничьей женой.

– О Всемогущий Аллах! – Хан с раздражением оттолкнул невольницу, предлагавшую поднос с напитками. – Валиде Нурсолтан права: ты подобна упрямому мулу! Но наша мать решила, что ты выйдешь замуж за мурзу Булат-Ширина, и я не отступлюсь от её повеления.

Слёзы мгновенно высохли на щеках ханбики, стоило ей только услышать имя своей матери.

– О чём же тут гадать! Мне следовало знать, что за всем этим стоит крымская валиде, – с ненавистью прошипела Гаухаршад. – Она всегда рушит дворец моего счастья, всегда встаёт на моей дороге!

– Она – наша мать, и ты покоришься, Гаухаршад!

– Никогда! – Девушка подскочила к брату, крепко сжала кулачки. – Она больше не сможет управлять моей судьбой! Я лучше выйду за немощного старца, чем за жениха, избранного ею! Она всегда жила, как хотелось ей: управляла мужчинами, выбирала, кого приблизить, а кого отдалить. Валиде подобна ненасытному коршуну: сколько бы пищи ни явилось перед её взором, ей всё мало. И по сей день ходит в любимых жёнах хана Менгли, а не прочь возлежать в объятиях калга-солтана Мухаммада! – Гаухаршад расхохоталась как безумная. – О глупец! Он любит её и надеется на взаимность!

Сильная пощёчина сбила ханбику с ног, остановила оскорбительные излияния, срывавшиеся с её губ.

– Недостойная дочь! – Разъярённый Абдул-Латыф во весь рост возвышался перед ней. – Ты не смеешь касаться своим грязным, мерзким языком имени нашей матери! И честь калга-солтана Мухаммад-Гирея я не посмею марать столь низким образом. Удались в свои покои, пока я не позабыл о нашем родстве и не приказал выпороть тебя как рабыню!

Она всхлипнула, отшатнулась от вновь замахнувшейся руки брата:

– Я не выйду замуж. Вы не посмеете сделать это против моей воли.

– Теперь уж, Гаухаршад, я потащу тебя на брачную церемонию за косы, а сзади прикажу погонять плетью для волов!

Успокоившись видом её униженной позы, хан опустил на широкое сидение трона:

– Советую тебе смириться, сестра, или ты испытаешь в полной мере желчь моего безудержного гнева. А теперь ступай.

Казанский господин откинулся на спинку трона, подставил разгорячённое лицо под плавные освежающие движения опахала. Он желал как можно скорей выкинуть из головы неприятную сцену, только что разыгравшуюся в Зелёном зале, где обычно устраивались малые приёмы и аудиенции. Гаухаршад сидела в его душе подобно болезненной занозе, он уже сожалел, что когда-то решил принять сестру у себя. «Но замужество укротит эту злючку», – расслабленно подумал Абдул-Латыф. Его слух уловил нежные звуки курая – невидимый музыкант играл что-то печальное, завораживающее. Хан ленивым жестом руки подозвал управителя:

– Пошлите гонца к улу-карачи. Сообщите, что следует как можно скорее назначить день свадьбы.

– Внимание и повиновение! Будет исполнено, мой повелитель, – ответил управитель.

Глава 5

Гаухаршад со всеми удобствами устроилась в садике, размещённом около её покоев. Здесь царил особая аура, и если в ханском саду осень уже вступила в свои права, в этом маленьком мирке ещё продолжалось лето. Так же пышно цвели розы, а в расставленных по кругу низких керамических горшках вновь распускались тюльпаны и благородные гиацинты. Ханбика принимала у себя юзбаши Турыиша. Бывший начальник её охраны быстро оправился от жестокого наказания и теперь смиренно просил аудиенции. Впервые за эти дни Гаухаршад почувствовала себя счастливой, несмотря на нависшую над её головой угрозу скорого замужества. Она была счастлива уже одним тем, что возлюбленный пожелал увидеть свою суровую госпожу. По её приказу в садик вынесли столик с изысканными яствами. Гаухаршад хотелось обставить примирение с мангытом с пышной роскошью. Увы, запертая в своих покоях, она не могла позволить себе многого.

Турыиш вошёл в гостеприимно распахнутые двери и склонил голову. Она поднялась навстречу, с лёгкостью газели миновав небольшое пространство садика, остановилась перед ним. Как хотелось Гаухаршад кинуться в объятия этого крепкого, широкоплечего мужчины. Как изнывали её руки, рвущиеся приласкать исполосованную плетью спину. Она готова была перецеловать каждый шрам на его теле, искупить нежными прикосновениями хоть малую толику своей вины.

– Садитесь же, юзбаши, – едва слышно пролепетала она, так и не сделав того, к чему рвалось её неразумное сердце.

Ханбика попыталась успокоить застучавшую в висках кровь, поднесла руки к лицу, погладила щёки дрожащими пальцами, задев свои длинные, звенящие чулпы:

– Вы просили об аудиенции, Турыиш-ага. Я слушаю вас.

– Госпожа моя, – его долгожданный голос проник в самое сердце девушки, и она закрыла глаза, затрепетала от счастья. – Я молю вас о милости: позвольте мне уехать в Крым и забрать с собой сына.

Словно глыба льда рухнула между ними. Ещё мгновение назад Гаухаршад ощущала себя в ласковой, благоуханной весне и вдруг оказалась в холодном снежном плену зимы.

– Уехать... в Крым? – слова царапали её горло, но она выталкивала их против своей воли. – Когда же пришло к вам это решение, юзбаши?

Он молчал, не поднимая глаз, и тогда Гаухаршад закричала, вкладывая в свой вопль отчаяние истрадавшей души:

– Зачем же ты явился ко мне?! Чтобы вновь отвергнуть! О Всемогущий Аллах, за что ты так наказываешь меня? За что?!

Она внезапно замолчала. Мужчина оказался около неё, упал на колени, и она увидела, как потемнели от страдания его глаза.

– Светлейшая ханбика, госпожа моя, вы выходите замуж за знатного, молодого и красивого вельможу. Меня больше нет ни в вашей жизни, ни в вашем сердце. Молю вас, избавьте меня от мук ощущать свою незначительность рядом с вашим блистательным супругом! Я не вынесу этого, ведь мои недостойные чувства стали только сильнее!

Турыиш вцепился в резную ручку кресла, куда опустилась Гаухаршад, он не отрывал взгляда от застывшей девушки:

– О, как ничтожно мал человеческий запас терпенья. Я более всего на свете хочу слышать из ваших уст признание в любви и ещё больше боюсь этих слов! Прошу вас, повелительница моя, отпустите своего раба на волю.

Она качнула головой, сначала слабо, потом сильнее, и затрясла ею так отчаянно, что Турыиш испугался за неё.

– Не-ет!!! Я никогда не отпущу тебя, и не смей просить об этом! Ты хочешь бросить свою госпожу теперь, когда она нуждается в твоей любви, в твоей помощи?

– Помощи? Мой слух не обманул меня, светлейшая ханбика, вы просите меня о помощи?

– Да, Турьиш. – Она склонилась ниже, словно опасалась, что выложенные камнем стены услышат её слова, зашептала с жаром: – Они все желают, чтобы я вышла замуж за мурзу Булат-Ширина. Но я ненавижу этого надутого индюка! День, когда меня соединят с ним браком, станет последним днём в моей жизни. Клянусь тебе, Турьиш, не боясь гнева Всевышнего, наложу на себя руки, но не позволю Булат-Ширину коснуться меня!

Юзбаши отшатнулся от ханбики, он с ужасом читал мрачную решимость на её юном лице:

– Вы совершаете ужасную ошибку, госпожа. Опомнитесь! Мурза Булат-Ширин сможет сделать вас счастливой, ведь у него для этого есть всё!

Гаухаршад рассмеялась, зло оборвав мужчину:

– Вы правы, у него для этого есть всё, но он не станет заботиться о моём счастье. Быть может, я не так уж и много прожила на свете, но никогда не была наивной глупой овечкой! Булат-Ширину не купить меня жемчужинами красивых слов, я предчувствую, какая жизнь ожидает меня в его гареме, и никогда не смирюсь с унижением, которое он готовит для меня!

– И что же вы решили? – тихо спросил Турьиш. Он понимал, что ханбика толкает себя в бездну ошибок, но не знал, как переубедить её.

– Вы поможете мне бежать! – решительно проговорила Гаухаршад. – Вы, юзбаши, и ваш сын.

– Это безумие, – покачал головой мангыт.

Но она, не давая возразить, горячо обхватила его за плечи, зашептала, обжигая жарким дыханием губы:

– В этом мире всё безумно, Турьиш. Безумие – жить, безумие – любить, даже мечтать о счастье! Но я не желаю ждать, когда судьба смилостивится надо мной и позволит испить глоток счастья. Я сама возьму всё, что может предложить нам жизнь! И не смей возражать, любимый. Подумай о том, что если ты откажешь мне, то вскоре ответишь перед Всевышним за мой уход на тот свет. Выбирай же.

Она больше не сдерживала себя, приникла к мужским губам. И Турьиш забыл обо всех своих сомнениях. Горячая волна любви, так долго сдерживаемая разумом, смела все преграды, хлынула из его сердца, изливаясь страстными поцелуями. И эти жгучие поцелуи, словно печать, скрепили преступный замысел Гаухаршад.

На рассвете у каменной ограды ханского сада остановились два всадника. Один из них вёл под уздцы вороного жеребца. Вокруг стояла тишина, лишь изредка нарушаемая сонными окриками караульных. Плотный, сырой туман стелился по земле, возносил в воздух прелый запах опавшей листвы. Турьиш, а это был он, приподнялся на стременах, сделал знак Геворгу и быстрым броском зацепился за ограду, через мгновение юзбаши оказался наверху. Оба мужчины притихли, вслушиваясь в звуки спящего дворца. Заскрипел мокрый песок под чьей-то осторожной ногой. Сотник прижался к ограде, настороженно всматриваясь в туманную глубь сада. Очертания человеческой фигуры, возникшие в тумане, заставили его насторожиться ещё больше, большое мускулистое тело напряглось, готовое к прыжку, рука сжала кинжал. Но туман, слегка рассеявшись, очертил силуэт женщины, закутанной в тёплое покрывало.

– Турьиш, – едва слышно позвала она.

Мужчина с облегчением выдохнул, спрыгнул вниз, в зашуршавшую листву. Гаухаршад кинулась к нему, прижалась дрожащим телом:

– Скорей, любимый! Я так боюсь!

– Не опасайтесь, госпожа, обопритесь на меня. – Юзбаши огляделся, осторожно постучал кнутовищем нагайки о камень ограды. Такой же слабый ответный стук послышался со стороны улицы. Турьиш, глядя в лихорадочно горевшие глаза девушки, ободряюще улыбнулся:

– Я подсажу вас, светлейшая ханбика, а внизу вас ожидает Геворг.

Гаухаршад и не почувствовала, как взлетела на ограду, а снизу к ней уже тянулись руки черноглазого юноши. Он спустил её вниз, подвёл коня. Турьиш, спрыгнувший с каменной ограды вслед за ней, вскочил на своего скакуна.

– С нами Аллах, – промолвил он торопливо и хлестнул жеребца.

Всадники промчались через весь город и вылетели в только что открывшиеся Ногайские ворота. А в столице зарождался обыденный день, и никто даже не обратил внимания на путников, из-за которых спустя несколько часов в ханском дворце случится ужасный переполох.

Как только обнаружилась пропажа сестры, разгневанный Абдул-Латыф послал за ней погоню. Отрядил своих воинов и улу-карачи Кель-Ахмед. Но прошла неделя, а ханбика словно в воду канула.

Когда улеглась первая волна слухов, усердно раздуваемая сплетницами всех возрастов и рангов, град насмешек посыпался на голову незадачливого жениха. Сверстники высокородного мурзы бросали юноше колючки подначивающих реплик. Особо усердствовал вечный соперник Булат-Ширина – мурза Джан-Ай из рода Мансуров. Неповоротливый и нескладный мурза всегда завидовал Булату, тот обыгрывал его на скачках и в состязаниях лучников. И девушки, обходившие стороной Джан-Айя, вздыхали о красавце Булате. Но особую зависть у Джан-Айя вызывала предстоящая женитьба баловня судьбы на единственной сестре хана – Гаухаршад. Шутка ли стать зятем самого повелителя! Но ныне шутку судьба сыграла с самим Булат-Ширин, и мансурский мурза радовался унижению высокомерного юноши.

В это не по-осеннему тёплое утро потомки самых знатных родов ханства отправились на охоту. На озеро Кабан молодых мурз сопровождала немалая свита: нукеры, стремянные, кречетники. Мурзы поначалу щеголяли друг перед другом парчой и бархатом нарядов, золотым и серебряным убранством упряжи, дорогим оружием и многочисленностью свиты. А после ввязались в спор о том, кто добудет ныне больше чирков. Когда прибыли на берег озера, притихшего в зарослях тальника и камыша, разделились. К охоте приступили с азартом: взлетали в небо быстрые кречеты, стрелы мчались наперегонки с ветром. Жирные утки и селезни, которые кормились на озере перед дальней дорогой, падали неуклюжими тушками на землю, подминая под себя пёстрые крылья.

Джан-Ай высмотрел самого крупного селезня. В общем гомоне и переполохе селезень чиркнул крыльями по воде, взлетел над озёрной гладью и понёсся к берегу прямо на затаившегося мурзу. Джан-Ай взмок от волнения, но не снимал напряжённого пальца с тетивы, а как настал долгожданный миг, спустил стрелу. Селезень упал тяжело прямо в заросли камыша. Мурза окликнул нукеров, но рядом никого не оказалось, и он кинулся сам, топоча по холодной воде дорогими, тонкой выделки ичигами. Джан-Ай руками раздвинул плотные камыши, селезень был где-то поблизости, трепыхался, на этот звук и шёл мурза.

Он наконец разглядел добычу, закричал победно и кинулся к селезню. Да только больно ударился лбом о чужое плечо и упал с размаху в воду. Рука соперника уже ухватила птицу и торжествуяще воздела её вверх. Джан-Ай сердито засопел, хотел вытянуть плетью обидчика, да так и замер от неожиданности. Перед ним, по колено в воде, стоял сам Булат-Ширин. Мурза с победным видом готовился нацепить селезня на свой пояс.

– Не смей! Это моя добыча! – взревел Джан-Ай. Он поднялся из воды, зло вскинул большую голову. Такья³⁶, опушённая дорогим мехом, вся промокла от воды, а кое-где с неё свешивалась зелёная тина.

Булат-Ширин при виде мансурского мурзы расхохотался:

³⁶ Такья – полусферической формы шапка с опушкой из меха или без неё.

– Смотрите на этого увальня, среди нас появилась Су анасы³⁷! С каких это пор Водяные требуют для себя жирных селезней?

– Не видишь, у селезня торчит моя стрела, это я его подбил! – Горячась, Джан-Ай подскочил к сопернику, указал пальцем на оперение стрелы. Но оперение чудным образом преобразилось. Только что были пёрышки чёрного цвета, как у всех охотников из рода Мансуров, а тут, откуда ни возьмись, по чёрному цвету прошлась яркая красная полоса.

Булат-Ширин рассмеялся:

– Да ты не просто увалень, а ещё и слепец!

Кровь Джан-Айя вскипела, он крепко сжал кулаки, уже готовился кинуться на обидчика, но сдержал себя, даже засвистел насмешливо, косясь прищуренными глазами на Булата. И сказал наконец, словно пустил долгожданную стрелу с ядом:

– Пусть я буду увальнем и слепым на оба глаза, но моя невеста не бежала перед самой свадьбой, как ханбика, не пожелавшая оказаться в объятьях нашего ширинского красавца!

Меткая стрела попала в цель. Булат побледнел, в следующее мгновение он откинул в сторону селезня и кинулся с кулаками на Джан-Айя. Мурзы упали в холодную воду, взбаламутив тину, пинали друг друга ногами и лупили кулаками. Сбежавшиеся нукеры едва развели разъярённых вельмож. У Булат-Ширина оказалась разбитой губа, у Джан-Айя заплыл глаз.

Не глядя на галдящих охотников, которые пытались разобраться в их ссоре, мурза Булат отправился на берег. С мокрой одежды стекали грязные ручьи, тальник путался под ногами, но мурза ничего не замечал и не слышал окликов верных нукеров. Он видел перед собой лишь насмешливое лицо Джан-Айя и слышал только его издевательские слова.

– Проклятая Гаухаршад! Тебе обязан насмешками презренных людишек, – бормотал Булат-Ширин. – Но придёт мой черёд, и ты окажешься в моих руках!

Он с яростью переломил ветвь тальника и швырнул её в воду.

³⁷ Су анасы – Водяная, русалка.

Глава 6

Высокородному мурзе Булат-Ширину и в голову не могло прийти, что сбежавшая ханбика в этот момент находилась совсем рядом. На другом берегу озера среди густого леса едва виднелась землянка, пускающая в небо клубы белого дыма.

Гаухаршад сидела на дощатой лежанке, покрытой медвежьей полостью. Привычно подогнув ноги под себя, она с интересом наблюдала, как ловкие руки Турыиша сплетают из тальника подобие узкой и высокой корзины.

– Что же это будет, юзбаши? – спросила она.

– Это морда, моя госпожа. Сегодня к ночи мы с Геворгом поставим её на озере, и к утру, если будет угодно Всевышнему, у нас будет неплохой улов.

Мужчина был сосредоточен на своей работе и не поднимал глаз на ханбику, а Гаухаршад тайком вздыхала. Прошла неделя с той поры, как они покинули ханский дворец. Первые дни она не могла думать ни о чём, кроме всепоглощающего страха, владевшего ею. В каждом скрипе низкой двери, в громком шелесте деревьев Гаухаршад слышались окрики воинов повелителя, ржание их лошадей. По ночам она не могла спать и, не смыкая глаз, долгие часы проводила у тёмного оконца. Усталому, напряжённому взгляду в кривых сучьях и шелестящих кустах мерещилась засада. Невидимые всадники крались к её убежищу, и она замирала от ужаса.

Ныне страх ушёл, и на смену ему пришли другие чувства, что так волновали её сердце ранее. Теперь, когда она была свободна, Гаухаршад ожидала от жизни щедрых подарков судьбы. Её сердце замирало от мысли, что она спит в одной маленькой комнатушке с любимым мужчиной. Теперь он всегда был рядом, так близко от неё, как никогда, но желанного сближения не происходило. Словно тенью между влюблёнными стоял Геворг. Сын сотника, казалось, не желал замечать стремления юной госпожи остаться наедине с его отцом. Она уже начинала сердиться на юношу за его красноречивые взгляды, за постоянное присутствие.

А вчера едва Турыиш отправился напоить коней, Геворг кинулся в ноги к Гаухаршад. Как безумный, он целовал белые руки госпожи, шептал, не помня себя:

– О светлейшая ханбика, есть ли на всём свете девушка благородней вас! Кто даровал вам столь величественную поступь, кто наделил таким царственным взглядом? Даже в простых одеждах вы подобны царице мира!

Она не сразу очнулась от неожиданности, в какую поверг её пылкий юноша, Гаухаршад отняла у Геворга руки, взглянула строго:

– К чему твои лживые речи, мангыт?

– Повелительница, если мой неумелый язык не смог достойно воспеть вашей красоты, то пусть Господь лишит меня возможности говорить!

– Вот-вот, – мрачно усмехнулась ханская дочь, – если крив твой язык, то и весь ты крив. Поднимись с колен, пока отец не застал тебя за недостойным занятием.

– Мой отец? – Юноша оборотил на дверь загоревшийся внезапной неприязнью взгляд, с минуты на минуту там должен был возникнуть силуэт сотника. Вновь взглянув на ханбику, Геворг заговорил, но сколько ревнивой страсти было в его голосе: – Я не ошибся, госпожа, ваш взор обращён на моего отца?! Вы таете от любви, когда он смотрит на вас! О, я не хотел верить глазам своим, но что может быть правдивее?! Вы бежали из дворца, чтобы соединиться с моим отцом! Но ещё вчера вы говорили, как я красив, вы любовались мной, касались моих волос. Я помню вашу ласку, повелительница, и не желаю верить, что вы влюблены в старика и предпочтёте его мне!

– Глупец! – Ханбика оттолкнула цеплявшегося за неё Геворга. – Ты красив, не скрою, я любовалась тобой, как роскошной вазой или утончённым кубком. Но что ты стоишь, когда рядом твой отец?!

Она рассмеялась, вкладывая в этот смех всё своё презрение. Девушка оборвала себя разом, склонилась к самому лицу юноши, сузила потемневшие глаза:

– За твоим отцом я готова ползти на край света, а ты для меня, – она выразительно постучала по пустому глиняному кувшину, – всё равно, что звук этой дешёвки!

Геворг отшатнулся. От высокородной ханбики веяло таким холодом, что его охватил озноб. Он обхватил свои плечи руками, силясь понять, как случился этот самообман, когда его сердце решило, что знатнейшая из девушек могла увлечься простым воином. Может ли луна снизойти с небес к ничтожному смертному, а золото украсить серый булыжник мостовой? Случалось ли это хоть с одной ханской дочерью? Если и случалось, то только в сказках. И он мог бы смириться с этим, если бы луна не снизошла к другому, такому же простому смертному, как он, и этим счастливецем стал его отец. Как же трудно было в это поверить! Геворг едва вымолвил пересохшими губами:

– И мои мечты...

– Пустой звук! – перебила она его. – Отправляйся лучше в лес, пора принести дров.

Гаухаршад равнодушно наблюдала, как юноша поднимается с колен, на него будто взвалили неподъёмный груз.

– Ради вас, госпожа ханбика, – с трудом выговорил он, – я сменил веру своей матери.

– Мы все рано или поздно приходим к Аллаху, – нетерпеливо проговорила Гаухаршад. – Ступай, куда я тебя послала.

Лишь когда за Геворгом захлопнулась низкая скрипучая дверь, ханбика со злостью топнула ногой:

– Как он посмел, ничтожный раб! Возомнил, что я спущусь до первого же стражника, пусть его внешность и будет подобной красоте Юсуфа! Этот Геворг как был, так и остался кяфером³⁸.

Гаухаршад припомнилась эта неприятная сцена, о которой Турыиш так и не узнал, и она с тревогой вслушалась в тишину, царившую за стенами их пристанища.

– А где ваш сын, юзбаши?

– Я послал Геворга купить ячменя и проса. Нам придётся остаться здесь ещё на месяц. Тогда, я думаю, всё успокоится, и мы сможем отправиться туда, куда вы пожелаете.

Гаухаршад улыбнулась:

– Вы хорошо придумали: спрятать меня под самым носом моего братца. Никто и не подумает, что я нашла убежище так близко от Казани.

– Да славится Аллах, который помог нам укрыться, – сдержанно ответил Турыиш, – не следует говорить о деле, которое ещё не сделано.

– Хорошо, юзбаши, не будем говорить об этом. – Гаухаршад улыбнулась, расслабленно вздохнув, закинула руки за голову. – И надолго уехал ваш сын?

Вкрадчивый вопрос её, за которым слышалось нечто большее, чем простое любопытство, заставил Турыиша вскинуть голову. Гаухаршад медленно спустила ноги с лежанки, встала. Она не сводила с мужчины зовущих глаз, и сотник отложил свою работу в сторону. Поднявшись, он, словно замороженный, глядел в глаза девушки. Мужчина был слишком высок для неё, и ханбика приподнялась на цыпочки, вскинула руки, обвинившиеся вокруг его шеи. Их губы слились в поцелуе. Лишь тонкая пелена благоразумия, ещё мелькавшая в их мыслях, могла удер-

³⁸ Кяфер (кяфир) – буквально «неверный», «не мусульманин».

жать влюблённых, но под горячим потоком страстных поцелуев преграда рухнула, и любовный омут увлёк на сладостное дно юную госпожу и её слугу.

Геворг, задумавшись, ехал по лесной тропинке. Все его мысли были о ханской дочери. Гаухаршад завладела его душой и, как верблюжья колючка, впиалась в сердце. Его первой юношеской влюблённостью была красавица-черкешенка, оставшаяся в далёком крымском прошлом. Он быстро свикся с мыслью, что подобная девушка может стать достоянием лишь богатого и знатного вельможи. Такую красавицу нельзя было любить, ею можно было только восхищаться. И ему в своих притязаниях следовало стать более скромным. Ханбика сама воспламенила в нём нежданное чувство в то солнечное, летнее утро, когда пожелала остаться со своим нукером наедине. Как горячи были её речи, как искренне восхищение, каким чувством горели глаза. Он был ослеплён одной только мыслью, что высокородная девушка, сестра самого повелителя, обратила на него свой взор. Мечты уносили юношу в неизведанную даль. Он стал тяготиться христианской верой, какую даровала ему мать, и как только отец стал оправляться от ран, нанесённых плетью палача, обратился к нему с просьбой:

– Отец, если я твой сын, то желаю принять ислам. Я стану мусульманином, и мне откроется истина, которой ты придерживаешься, и ложь, которой ты сторонись. Я предаю свой лик Аллаху, Господу миров, и не буду причастен ни к какой другой вере, противной исламу!

В тот же день отец направил его к мулле-хазрату³⁹. Геворг думал, что идёт по праведному пути и не будет греха в том, если он станет близок с ханбикой, раз он принял её веру. Долго лелеемое тщеславие привело его к безумным, несбыточным мыслям. Но хрупкий дворец мечтаний, воздвигаемый им, рухнул в одночасье от беспощадных слов Гаухаршад. Геворг ощутил себя преданным и обманутым любимой девушкой и собственным отцом.

Ханбика изнемогла от страстных утех. Она откинулась на шкуры и томно простонала:

– О, как я хочу пить!

Турьиш поднёс к её губам глиняную чашу с родниковой водой. Она глотала с жадностью, обливалась и смеялась над своей неловкостью. Юзбаши с улыбкой любовался её детской непосредственностью. Мгновение назад эта девушка превратилась в его руках в женщину, и он не знал, радовало его или угнетало это обстоятельство. А она и не желала давать ему передышки и времени на бесполезные раздумья, отшвырнула чашку и вновь протянула руки, требовательно позвав:

– Иди же ко мне! Позволь мне умереть в твоих объятьях, любимый мой...

Геворг приник к оконцу, не в силах отвести взгляда от пляшущих бликов пламени, гудящего в очаге, и от сплетённых в любовной схватке тел. Лицо его онемело, свелось судорогой отчаяния, а руки вцепились в кинжал, когда-то подаренный отцом. Он с трудом заставил себя отойти в сторону, упал на колени и принялся молиться, и, лишь закончив молитву, понял, что молился не тому богу, и не те молитвы, каким учил его мудрый хазрат, возносил в темнеющие небеса.

³⁹ Хазрат – духовный наставник.

Глава 7

На следующее утро юноша попросил отца отпустить его в Казань.

– Что же ты будешь там делать? – недоумённо вопрошал сына Турьиш.

– Меня мучают раздумья о жизни моей, – опуская взгляд, промолвил Геворг. – Я не совершил дел, угодных Аллаху, мои помыслы ничтожны перед престолом Всевышнего.

– Куда же ты отправишь свой путь?

Геворг молчал, избегая смотреть в глаза отца.

– Сын мой, к чему совать ногу в стремя, если не желаешь вскочить на коня? Отчего бы тебе не остаться здесь? Пройдёт месяц, и с помощью Всевышнего мы покинем это пристанище. Весь мир будет открыт перед тобой.

Геворг тряхнул головой, словно отгонял видение, возникшее перед его взором:

– Я желаю ехать сейчас. Дозвольте, отец, я вернусь в столицу и займусь науками. Путь воина не для меня...

Турьиш тяжело вздохнул:

– Ты возмужал, Геворг, стал взрослым. Я не могу и далее распоряжаться твоей судьбой. Одно беспокоит моё сердце: наши дороги могут разойтись навсегда.

– Аллах велик, – быстро отвечал юноша, – в его воле даровать нам встречу.

Глухой стук копыт коня, который унёс Геворга, давно уже затих на лесной, подмёрзшей за ночь тропе, а Турьиш всё ещё смотрел вослед, словно силился разглядеть среди темнеющих деревьев силуэт сына. Гаухаршад неслышно подошла к нему, коснулась рукава тёплого бешмета своего возлюбленного:

– Ты его отпустил?

– Он уже вырос, моя госпожа, и я не могу вечно удерживать его рядом. Боюсь, я так и не смог стать ему хорошим отцом.

Она, заглянув в страдающие глаза, прошептала тихо:

– Расскажи...

Турьиш никому не рассказывал, когда и как в его жизни появился сын. Но ей, юной женщине, подарившей ему самые лучшие мгновения жизни, захотел поведать обо всём. В жарко натопленном домике он притянул Гаухаршад к себе:

– Повелительнице самое место в моих объятьях. – Поцеловал ласково и переспросил: – Госпожа, желает ли ваше сердце, чтобы я донёс до вас эту грустную историю?

– Желаю, – прильнув к мужчине, улыбнулась ханбика. – Я желаю знать о тебе всё!

Турьиш помрачнел, словно тень тяжёлых воспоминаний накрыла его лицо, и всё же начал свой рассказ:

– В те времена я был не старше Геворга. Меня миновала чаша любви, ни одна женщина не тронула моего сердца. Нашим уделом была война. Нас было четверо. Братья, ушедшие за мурзой Хусаином, вашим дядей, искать удачи и воинского счастья в чужих землях. Мы объехали всю степь, навестили ханум Нурсолтан в Казани, а после отправились в Крым. Нашим новым господином стал хан Менгли-Гирей, и мы долгие годы верно служили ему. Крым – поистине благословенная и богатейшая земля, многие зарились на владения хана Менгли. Однажды повелитель был изгнан из Салачика ордынцами. Бежали вместе с господином и мы. Менгли-Гирей не мог вернуть себе трона без сильной поддержки и решил привлечь на свою сторону генуэзцев. Хан отправился в Кафу, и нам было приказано поселиться в этом богатейшем городе, но только тайно, соглядатаями.

Я был избран гонцом, и однажды мне пришлось доставить известие сторонникам Менгли-Гирея. Путь мой лежал по предместьям Солхата, который находился в руках исконных врагов рода Гиреев. Я натолкнулся на вооружённый отряд рыскавших по аулам ордынцев. В

поисках наживы кочевники не останавливались ни перед чем, они завидели на дороге одинокого всадника и кинулись за мной. Но недаром братья избрали гонцом меня, ещё в степи я прослыл лучшим наездником, лишь одно беспокоило меня: мой жеребец устал, а кони преследователей были свежи и полны сил. В стороне от дороги я увидел поросшее лесом предгорье и повернул туда в отчаянной попытке укрыться от ордынцев. Уже на опушке леса меня настигла меткая стрела, я упал на холку коня, истекая кровью. Жеребец мой нёсся через лес, и ветки хлестали моё лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.